

СОФИ АНРИ

18+

ХРАНИТЕЛЬ АРДЕНА

Принц Ардена

Софи Анри
Хранитель Ардена

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Анри С.

Хранитель Ардена / С. Анри — «Эксмо», 2023 — (Принц Ардена)

ISBN 978-5-04-193926-7

Прошел год с тех пор, как Рэндалл и Аврора скрепили свой союз древним ритуалом, а их души стали единым целым. Но близится война, и Рэндалл, прощаясь с возлюбленной, уезжает в Восточное Королевство. Корабль терпит крушение, а Аврора получает весть о его смерти. Убитая горем княжна понимает, что в Ардене ей нужно быть сильной, чтобы защитить их сына – последнего потомка рода Корвин от паутины дворцовых интриг, и единственное, что помогает ей не сломаться – это перстень, чей свет таит в себе надежду. Тем временем Рэндалл выживает в крушении, но волей злого рока оказывается на Дальнем материке, где процветают жестокость и рабство. Здесь у него нет ни власти, ни друзей. Судьба играет душами Авроры и Рэндалла вновь, и исхода не знает никто. Сможет ли Хранитель Ардена найти дорогу домой?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-193926-7

© Анри С., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	42
Глава 10	46
Глава 11	50
Глава 12	58
Глава 13	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Софи Анри Хранитель Ардена

© Софи Анри, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Глава 1

*Июль, 1135 г. со дня Разделения*¹

Рэндалл не мог найти себе места. Он уже несколько часов мерил шагами просторный холл, то и дело поглядывая на дверь, из-за которой доносились крики, всхлипы и болезненные стоны. Каждый звук отдавался в его сердце тупой болью. И хотя на дворе стоял невыносимый июльский зной, его пальцы заледенели и мелко подрагивали. Он еще никогда так сильно не нервничал.

Когда за дверью раздался очередной истошный крик вперемешку с женским рыданием, Рэндалл не выдержал и устремился в покои, где сустились служанки с тазами и тряпками.

– Ваше Высочество, вам сюда нельзя! – Нора преградила ему путь. Ее фартук был испачкан кровью, а из пучка выбились рыжие локоны.

– Мне плевать, – холодно бросил он и направился к большой кровати.

Не успел он сделать и пяти шагов, как перед ним встала пожилая женщина с пепельно-серыми волосами, уперев жилистые худые руки в бока.

– Принц Рэндалл, нечего вам здесь делать! Вы будете только отвлекать ее. Скоро все кончится, и вы сможете зайти, а пока не мешайте и покиньте покои. – Она говорила с ним так, будто он не Хранитель Ардена, а нашкодивший мальчишка.

– Вы то же самое говорили вчера вечером!

– Не беспокойтесь, мой принц, вы появлялись на свет еще дольше. Первые роды зачастую бывают тяжелыми.

Слова повитухи словно ударили Рэндалла наотмашь.

«Боже, молю, пусть это не будет, как у мамы...»

Он мягко, но настойчиво отодвинул женщину и подошел к кровати.

– Р-р-э-эй... – обессиленным голосом протянула Аврора, а потом снова застонала, скривив лицо в гримасе боли.

На противоположной стороне кровати у изголовья сидела Тина и утирала мокрой тряпкой лоб и шею Авроры.

– Тужьтесь, госпожа! Тужьтесь сильнее!

Сердце Рэндалла забилось где-то в горле. Его душа, его прекрасная любимая девочка была сейчас бледна как мел, а ее лицо сливалось с белыми наволочками. Взмокшие от пота волосы выбились из растрепанной косы и липли к вискам и шее, а губы высохли и потрескались.

Несмотря на раскрытые настежь окна, в комнате стоял резкий запах пота, крови и телесных выделений. Широко разведенные и подогнутые в коленях ноги Авроры были накрыты тонкой белой простыней, но Рэндалл старался и вовсе не смотреть туда, чтобы не смущать жену. Ее грудь тяжело вздымалась, а дрожащие руки неустанно гладили большой круглый живот, словно уговаривая малыша скорее появиться на свет.

– Рэй, уходи... Я не хочу, чтобы ты видел меня та... А-а-ай! – Аврора закричала, и по ее щеке скатилась слеза.

Рэндалл сел на кровать спиной к повитухе и служанкам, что возились у ног Авроры, взял ее за руку и, склонившись, стер поцелуем соленую каплю.

– Я буду рядом и никуда не уйду.

– Ваша Светлость, тужьтесь сильнее на счет три! Раз, два, три!

¹ Летоисчисление на Великом Материке производится со дня Разделения Единого королевства на несколько государств.

Аврора издала животный рык и сжала ладонь Рэндалла так, что ему оставалось только удивляться, откуда в этом хрупком ослабшем теле столько силы и каким чудом его пальцы остались целы.

Схватки продолжались еще несколько часов. За это время Тина и Нора неоднократно просили Рэндалла уйти, но на все их попытки спровадить его принц отвечал злым, почти хищным взглядом.

Спасаясь от царящей в комнате духоты, он снял сюртук, расстегнул верхние пуговицы рубашки и закатал рукава по локти.

Аврора металась по подушке; она то бессвязно что-то бормотала, то выкрикивала ругательства, то жалобно скулила и плакала. Один раз, когда Рэндалл протирал ее лицо влажной тряпкой, она в приступе новой схватки схватила его руку и прокусила ладонь до крови. Рэндалл выдержал боль с каменным выражением лица. Он наклонился к Авроре, стирая украдкой капли крови с ее губ, и нежно поцеловал в висок.

– Мне кажется, я умру... – прошептала она, и от этих слов у него в груди все похолодело.

Он отстранился и посмотрел Авроре в глаза.

– Аврора, не смей даже думать об этом, слышишь? Ругайся, кричи, искусай меня всего, но не смей сдаваться. Ты обязана справиться!

Она притихла и, сфокусировав взгляд на Рэндалле, кивнула.

– Ваша Светлость! – Повитуха выглянула из-под ног Авроры. – Осталось чуть-чуть! Головка уже виднеется!

Ее слова придали Авроре сил, и она, собравшись с духом, до боли сжала запястье Рэндалла и зарычала сквозь стиснутые зубы. На ее шее и висках от напряжения вздулись вены.

Через несколько бесконечно долгих схваток комнату заполнил детский плач.

– Это мальчик, Ваше Высочество! – воскликнула повитуха, с улыбкой посмотрев на Рэндалла. – У вас родился наследник! – Она приподняла маленький грязный комочек с необрезанной пуповиной.

– Дайте его мне скорее! – Аврора протянула руки к малышу. И когда повитуха положила младенца матери на грудь, ее лицо озарилось так, будто на нее направили свет сотен факелов.

Рэндалл замер при виде этой картины.

Она была лохматой, вспотевшей, бледной и уставшей, но в этот миг Аврора с ее сияющими глазами, полными безусловной любви и нежности, казалась ему самым прекрасным созданием на свете. Он заворуженно наблюдал, как она воркует над малышом, украдкой стирая влагу с лица, и даже не заметил, как у него по щеке скатилась слеза. Ребенок в ее руках притих, лишь иногда кряхтел и морщился, а когда открыл глаза, дыхание у Рэндалла сперло от волнения.

Глаза малыша были почти прозрачного серого цвета, прямо как у его отца.

– Его глаза... Почему они такие светлые? – встревожилась Аврора. – Они должны быть темными, как и у всех младенцев. С ним все в порядке?

– У вашего супруга глаза были такими же с самого рождения, – успокоила ее повитуха. – Это признак того, что кровь Корвинов в мальчике сильнее прочих.

– Можно мне подержать его? – тихо и неуверенно попросил Рэндалл.

– Нет, Ваше Высочество, вы должны уйти, – не терпящим возражений тоном приказала повитуха. – Когда мы подготовим младенца и Ее Светлость, тогда и вернетесь.

Рэндаллу ничего не оставалось, как повиноваться. Он поцеловал жену в лоб на прощание, едва коснувшись кончиками пальцев мягких словно пух темных волос малыша и покинул покои.

Как только он переступил порог комнаты, его сгребли в охапку чьи-то руки.

– Поздравляю, брат! Ты стал отцом!

– Уилл? Ты откуда здесь? – изумленно спросил Рэндалл, обнимая брата.

– Да вот решил навестить тебя, и, о чудо, я приехал аккурат во время родов твоей супруги!

Рэндалл слегка отстранился, чтобы заглянуть Уиллу в глаза.

– Как там Анна?

Беременность Анны проходила гораздо хуже, чем у Авроры. В то время как его непорочная жена постоянно порывалась выехать в город или пострелять из лука на тренировочной арене, Анна часто болела и большую часть беременности проводила в постели.

– Уже лучше, намного лучше, – засиял Уилл. – Те настойки, которые передала Аврора, помогли. Она стала чаще гулять по саду и реже жаловаться на боль и тошноту.

– Слава богу! – облегченно выдохнул Рэндалл.

Вслед за Уиллом поздравления новоявленному отцу принесли Алистер Грей и несколько лордов, что находились сегодня в замке по делам Совета.

Последним подошел Закария.

– Поздравляю, мой господин. Это большое счастье, – тихо сказал адепт.

– Ты тоже мог бы обзавестись подобным счастьем, Закари, – отозвался Рэндалл и бросил взгляд на Тину, которая в этот момент вышла из комнаты, удерживая большой таз с грязной водой. Она посмотрела на Закарию и, мгновенно покраснев, опустила глаза.

Закария нахмурился. Проигнорировав слова Рэндалла, он подошел к Тине, забрал таз и направился прочь.

Рэндалл лишь усмехнулся, глядя в спину угрюмого адепта.

Спустя полчаса из комнаты вышла Нора и кивнула Рэндаллу, давая понять, что он может зайти. За это время весть о рождении наследника разнеслась по всему замку и за его пределы. Алистер вовсю раздавал распоряжения слугам, чтобы организовать праздник для горожан.

Рэндалла все это не волновало. Он нетерпеливо двинулся в покои Авроры, которые заранее подготовили специально для ее родов.

– Оставьте нас, – бросил он служанкам и повитухе, не отрывая взгляда от любимой.

Аврора уже успела искупаться. Вместо взмокшей от пота тонкой сорочки на лямках на ней было белое, расклешенное от груди платье с длинными рукавами, ажурными рюшами на воротнике и пуговицами на груди. Влажные волосы были причесаны и заплетены в аккуратный колосок.

Она держала в руках белоснежный сверток, любуясь им как самым ценным сокровищем.

– Как ты, душа моя? – Рэндалл залез с ногами на кровать и сел рядом с Авророй, после чего заглянул в сверток.

Малыш крепко спал, поджав маленькие губы и кряхтя, как старичок.

Рэндалл не смог сдержать улыбку умиления.

– Как только увидела его, сразу вся боль позабылась, – прошептала Аврора и опустила голову Рэндаллу на плечо. – Хочешь подержать?

Он настороженно выпрямился и вытянул руки. Аврора посмотрела на него и, цокнув языком, покачала головой.

– Сцепи руки между собой, как это делаю я. Так будет удобнее держать малыша, – повелела она.

Рэндалл послушно выполнил указание, и Аврора вложила спящего младенца в его руки. Рэндалл боялся лишний раз шелохнуться, но малыш, словно почувствовав перемену, сразу беспокойно заерзал и начал хныкать. И уже через несколько мгновений их оглушил громкий плач.

Принц в панике уставился на жену.

– Ему не нравится у меня на руках, я наверное не так его взял, – пролепетал Рэндалл.

Аврора усмехнулась и забрала ребенка. Покосившись на мужа, она отчего-то покраснела, а в следующую секунду расстегнула на платье пуговицы и приложила к оголенной, налившейся молоком груди малыша. Он растерянно вертел головой как слепой котенок, раскрыв рот. Аврора заученным движением обхватила грудь пальцами и направила ее прямо в рот младенцу. Он тут же присосался к ней и жадно зачмокал губками, пытаясь от усердия.

Рэндалл как завороченный наблюдал за кормлением, словно его посветили в великое таинство.

– Аврора, я вас так люблю, – прошептал он осипшим от переполнявших его чувств голосом.

Аврора повернулась и, слегка пригнувшись, поцеловала его в губы. Он с трудом сдержал себя, чтобы не углубить поцелуй. Сейчас не время.

– Как мы его назовем? – поинтересовался он, покрепче обняв Аврору за плечи.

– Это ты должен решать.

– Нет, ты столько промучилась с беременностью и родами. Право дать имя принадлежит только тебе. – Рэндалл коснулся губами ее лба. – Скажи, как ты хочешь назвать его, а я объявлю всем, что это мое решение.

Аврора улыбнулась и покачала головой.

– Нет, Рэндалл. Я мечтала о том дне, когда смогу подарить тебе первенца, а ты дашь ему достойное имя. Не лишай меня этой радости.

Он рвано выдохнул.

– Я уже говорил, что люблю тебя больше жизни, душа моя?

– Каждый день, по три раза.

Рэндалл приподнял уголок рта.

– Мне бы хотелось назвать нашего первенца именем дедушки.

– Райнер, сын Рэндалла... – произнесла Аврора. – Очень красивое имя. Мне нравится.

Малыш в ее руках снова заерзал и громко причмокнул, будто соглашаясь с мамой.

– Райнер... – ласково прошептал Рэндалл и погладил малыша по черным густым волосикам. – Добро пожаловать в семью, сынок.

Глава 2

Сентябрь, 1135 г. со дня Разделения

Рэндалл сидел во главе стола в зале заседаний и вот уже полчаса слушал нудные отчеты лорда Оллина, министра по делам экономики, хотя мысленно то и дело возвращался в маленькие уютные покои, где поселились Аврора с Райнером. Она категорически отказывалась разлучаться с сыном и очень редко прибегала к помощи няней и кормилицы, аргументируя все это тем, что северянки сами занимаются воспитанием детей.

С рождения Райнера прошло два месяца; он немного подрос, окреп, а его сходство с отцом становилось все более очевидным.

Рэндалл, наплевав на все обычаи, каждую ночь тайком пробирался в покои Авроры, где они втроем сладко спали на огромной кровати. В такие моменты он отчетливо понимал, что наконец-то получил то, чего ему не хватало со дня смерти матери – настоящую, крепкую, любящую семью.

Когда лорд Оллин закончил отчет и Рэндалл распустил Совет, к нему подошел лорд Грей и тихо проговорил на ухо:

– Ваше Высочество, сегодня вернулся Кристиан, он ждет, пока вы его примете.

– Пусть войдет, – сказал Рэндалл и, сложив руки в замок, оперся на них лбом.

Его лучший шпион отсутствовал в Ардене больше двух месяцев, и Рэндалл нутром чувал, что собранные им сведения его не обрадуют.

– Рассказывай, что сумел узнать? – обратился он к невысокому коренастому мужчине с небольшой проседью в короткостриженных каштановых волосах.

– Кронпринц Артур недавно официально посетил столицу Западного королевства, – начал Кристиан. – На приеме в честь его визита объявили о помолвке сына принца Артура и дочери принца Стефана.

– Этого стоило ожидать, Алан давно хочет породниться с правящей династией Запада. Вот только Тристан год назад испортил его планы. – Рэндалл скривил уголок рта, вспомнив, какой скандал разразился на званом приеме в Фортисе, когда Алан узнал, что Таннат отклонил его предложение о помолвке Тристана и Мерены, потому что Тристан якобы бесплоден. – Есть что-нибудь еще, что ты смог выведать об этом визите?

Кристиан весь подобрался и, выпрямив спину, продолжил:

– Состоялась неофициальная встреча Артура и Стефана. Мне удалось выяснить, что Артур прихватил с собой карту Ардена...

Рэндалл устало провел руками по волосам, зачесывая их назад.

– Два кронпринца делят еще неприготовленный пирог.

– Принц Рэндалл, – позвал его Алистер. – Думаете, Артур пойдет на это?

– А что, по-твоему, лучше, Алистер? – Рэндалл откинулся на спинку кресла, поднял со стола чашку и сделал глоток давно остывшего кофе, поморщившись. – Довольствоваться мизерной властью на территории с частичным суверенитетом или откусить кусок у союзника и установить тотальный контроль над всеми богатствами и ресурсами этой земли? Запад никак не может простить захват Фарадонской долины, которую Корвины отвоевали три сотни лет назад. Вероятно, Артур пообещал Стефану вернуть тот участок...

– Что будем делать? – спросил пожилой советник с нахмуренным видом, отчего у него на лбу проступили глубокие морщины.

– Пока жив Алан, Артур не станет предпринимать активных действий. Но мы должны подготовиться. В первую очередь укроем отношения с союзниками.

– Север?

Рэндалл покачал головой.

– Дайн не будет вмешиваться в наш конфликт, Север только-только оправился после войны с островитянами. Нам нужно теснее сдружиться с Восточным королевством. Там тоже есть спорные земли, которые Запад, возможно, захочет отвоевать после Фарадонской долины. Будем давить на это. Я хорошо знаком с моим троюродным дядей, королем Эласом, а Закария во время каждой поездки на Восток навещал королевский дворец с подарками от меня. – Рэндалл поднялся из-за стола и начал мерить шагами зал заседаний. – Когда Райнер окрепнет, мы с Авророй нанесем Эласу визит вежливости. Возможно, даже сможем договориться о помолвке Райнера с его внучкой. Она как раз старше от силы на год.

– Что, если Элас откажется вступать с нами в союз, решив сохранить нейтралитет или же получив более выгодное предложение? – осведомился Алистер.

– Тогда, в случае войны с Югом и Западом, Дайн будет вынужден отправить к нам по воде свою армию. – Рэндалл взглянул через окно на море, синевшее на горизонте.

– После инцидента с казнью служанки он затаил на вас обиду, принц Рэндалл, – проворчал лорд Грей.

– Люди Кристиана собрали все необходимые сведения о злодеяниях Герольда в отношении женщин. Среди его жертв были даже маленькие девочки, – холодно отозвался принц. – Если Дайн не захочет помогать добровольно, мы пригрозим ему тем, что существенно ослабит его власть на Севере.

Лорд Грей покачал головой.

– Своим хладнокровием и рассудительностью вы напоминаете мне вашего деда, принц Рэндалл. – Он задумчиво перебирал пальцами бумаги, которые лежали перед ним на столе. – Но вы еще так молоды, и ваша горячность порой берет верх над разумом. Вы в самом деле полагаете, что сможете переманить на свою сторону гордого царя Севера угрозами?

Рэндалл вернулся к столу и опустился в кресло.

Ему не хотелось это признавать, но Алистер был прав. С Дайном надо действовать осторожно. К тому же Артур мог в любой момент довести до сведения северного царя о происхождении его зятя. И тогда вместо сильного союзника Рэндалл рисковал обрести лютого врага.

– Хочешь, чтобы я извинился перед Дайном за вольность с *казнью* служанки?

– Да, принц Рэндалл. Это будет разумно.

От воспоминания, когда Аврора рыдала в его объятиях, у него зажгло в груди. Он никогда не простит Дайна за то, что пережила его любимая. Но ради мира в Ардене он был обязан переступить через свой гнев и гордость.

– Я отправлю письмо Дайну, – сказал Рэндалл лишенным эмоций голосом. – Принесу ему извинения и оповещу о скором визите.

Алистер одобрительно кивнул.

Рэндалл повернул голову к стене, которая была увешана десятками портретов его предков по линии Корвин. Он задержал взгляд на прапрапрадеде, Регулусе Корвине, и резко выпрямился в кресле.

– В знак уважения дому Йоранов я дам Райнеру второе имя. – Он знал, как важны на Севере кровные узы. Это должно смягчить пожилого царя.

– Дайн? – удивленно спросил Алистер. – Или Герольд?

Рэндалл с трудом подавил желание скривиться от упоминания ненавистного имени.

– Нет, я дам сыну имя его деда. Бьерн.

Глубокие морщины на лбу советника разгладились, а суровое выражение лица сменилось гордостью.

– Это мудрое решение, мой принц. – Алистер склонил голову в знак уважения. – Вы должны сделать все, чтобы Дайн видел в вас не просто союзника, а члена семьи. Чтобы, если правда о вашем происхождении раскроется, он не отвернулся от вас.

Рэндалл нахмурился.

– Это будет сложно.

– Да, гораздо сложнее, чем влюбить в себя дерзкую, но совсем юную княжну. – В голосе наставника послышались нотки веселья. – Но Дайн любит свою племянницу, значит, полюбит и внука, который носит имя его покойного брата. Возможно, ради них он и закроет глаза на ваше происхождение, как когда-то на злодеяния любимого сына.

– Будем надеяться. А пока отправь послание Нилу. Пусть увеличит число патрульных в Фарадонской долине. Также нужно усилить охрану приграничных деревень на тот случай, если Стефан возьмется за старые трюки и решит натравить на наши земли лесных дикарей.

После заседания Совета Рэндалл выслушивал просьбы и жалобы горожан и вернулся в свои покои уже поздним вечером. Он планировал переодеться и сразу отправиться к Авроре и Райнеру, чтобы поужинать у них, но его планам не суждено было сбыться.

Когда он переступил через порог комнаты, в которой не ночевал уже несколько недель, его встретила неожиданная гостья.

– Что ты здесь делаешь? – Рэндалл подошел к ней и запечатлел на ее губах легкий поцелуй.

– Соскучилась, вот и пришла, – ответила она. – Дай угадаю, ты так заработался, что даже не пообедал, верно? Я позаботилась, чтобы нам принесли ужин.

Рэндалл опустился на кровать и усадил ее к себе на колени.

– Как Райнер? Сегодня ночью он проявил верх наглости и нахальства, я совсем не выспался! – притворно возмутился он.

– Мог бы вернуться к себе и выспаться в одиночестве, – осадил его Аврора. – А Райнер днем спал как ангелочек, так что сегодня ночью, очевидно, снова будет бодрствовать.

Рэндалл молча усмехнулся. Аврора знала, что, несмотря на ночные капризы сына, он все равно будет приходить в ее покои снова и снова, потому что не мог заснуть без ее объятий.

После плотного ужина Рэндалл блаженно потянулся и размял шею.

– Пойдем к Райнеру? – спросил он.

– Нет, Рэндалл. Сегодня ты останешься тут, – непреклонным тоном заявила Аврора и, усевшись позади него, начала массировать ему голову. Рэндалл расслабленно прикрыл глаза. – Я могу отдохнуть с малышом днем, а ты из-за капризов Райнера ночами не спишь, а днем изводишь себя работой. Мне это не нравится.

– Аврора, я Хранитель Ардена и не могу иначе.

– Что тебя тревожит, любимый? Я ведь вижу, как ты напряжен...

Запустив прохладные пальцы в его волосы, Аврора массировала кожу головы то нежно, то грубо, то царапала ногтями, то поглаживала мягкими подушечками, а Рэндалл тихо, почти беззвучно постанывал от удовольствия.

– Аврора, душа моя, – прошептал он, откинув голову, полностью отдавая себя во власть ее умелым рукам. – Я сыт по горло разговорами о политике и проблемах и рядом с тобой не хочу даже думать об этом.

Она была его убежищем, в котором он мог забыть про все беды и печали. Она заставляла его смеяться до рези в боку, таять от трепетной нежности или сгорать от дикой необузданной страсти. Время от времени своим дерзким нравом она пробуждала в нем гнев и ярость, но даже в такие моменты одна ее улыбка была способна утихомирить всех его демонов. Она одновременно была его слабостью и непоколебимой силой. Частью его души, частью его самого.

– Сними рубашку и ляг на живот, – скомандовала Аврора, направившись к тумбочке, и Рэндалл охотно повиновался.

Аврора достала из ящика маленькую склянку, капнула ароматное масло на ладони и растерла его. Присела рядом с Рэндаллом и начала водить руками по его шее, плечам и спине. Она старательно растирала каждую его мышцу, разгоняя кровь и снимая напряжение и усталость. Ее движения, сильные и выверенные, перемежались нежными и рассеянными.

Рэндалл знал, что последует за массажем. В прошлый раз, несколько дней назад, она сменила руки губами и довела его до невообразимого блаженства. За год их супружеской жизни Рэндалл настолько раскрепостил свою стыдливую скромную неумеху, что теперь она охотно соглашалась на откровенные ласки и отдавала всю себя без остатка.

От воспоминаний, которые разум ему так услужливо подсовывал, Рэндалл почувствовал сильное возбуждение, но Аврора уже закончила массаж и убрала руки. Он с трудом сдержал разочарованный стон, осознав, что его надежды на сладкое продолжение оказались напрасны.

– Сегодня приходила повитуха, чтобы проверить мое состояние.

Рэндалл открыл глаза и повернулся лицом к Авроре. Она сидела, опустив голову, и нервно теребила пояс длинного халата с широкими рукавами.

– И что она сказала? Ты в порядке?

– Да, она сказала, что я полностью восстановилась. – Аврора подняла взгляд, и ее загадочное выражение лица заставило его нервно сглотнуть. – И добавила, что я теперь могу делить с тобой супружеское ложе.

Аврора развязала узел на поясе. Полы халата разъехались, и Рэндалл обнаружил, что под ним не было ни сорочки, ни нижнего белья.

– Аврора... – прошептал ошарашенный Рэндалл, изучая ее восхитительное тело.

Роды изменили ее фигуру. Грудь, налитая молоком, увеличилась, бедра слегка округлились, а еще появился небольшой мягкий животик, который Рэндаллу так и хотелось искушать. Она стала еще аппетитнее и слаще. Из милой хрупкой девушки его любимая жена преобразилась в прекрасную, соблазнительную женщину.

Он уложил Аврору на подушку и начал по-хозяйски ощупывать и наглаживать каждый сантиметр ее кожи.

– Черт возьми, какая же ты вкусная, – прохрипел Рэндалл, осыпая поцелуями ее грудь и живот.

– Ну так съешь меня, – прошептала Аврора, впиваясь ногтями в его плечи.

В этот миг что-то в голове Рэндалла щелкнуло, и самообладание покинуло его. Он разделся догола, накрыл Аврору своим телом и поцеловал в губы – страстно, грубо, жадно, – вдавливая ее в подушку и заставляя всхлипывать не то от боли, не то от наслаждения. А потом так же грубо и нетерпеливо вошел без каких-либо прелюдий. Охваченный жаром ее тела, Рэндалл издал громкий стон, и у него потемнело в глазах от наслаждения. Ни ее руки, ни ее грудь и губы не могли заменить ему этого умопомрачительного ощущения, по которому он истосковался за последние несколько месяцев.

– Как же я скучал, Аврора... Не могу сдерживаться, – прерывисто шептал Рэндалл, пытаясь обуздать животный голод. – Я... черт... тебе больно?

Приложив нечеловеческие усилия, он замер в ожидании ответа и сфокусировал взгляд на ее лице. Кровь шумела в ушах, а перед глазами сверкали маленькие звезды. Волосы Авроры разметались по подушке в живописном беспорядке, и Рэндалл представил, как будет наматывать их на кулак и тянуть на себя, входя в нее сзади.

Боже правый! С его неумным, грязным воображением он рисковал закончить, не успев даже начать.

– Аврора, – прошептал он в мольбе и заглянул ей в глаза, призывая на помощь всю свою выдержку.

– Не сдерживайся, Рэй. Мне очень хорошо, – с вождением отозвалась она, и Рэндалл с радостью и облегчением повиновался.

Каждый его толчок был глубже и резче предыдущего. Он уже не целовал ее, а кусал и засасывал белоснежную кожу. Аврора не сдерживалась, кричала на всю комнату, обдавая жаром его ухо и царапая спину до алых отметин. Они оба обезумели от голода. Когда их губы встречались, стоны становились еще громче и бесстыднее. Их языки сплетались и извивались, как горячие языки пламени в бушующем костре страсти. Они в нем сгорали. Она прижималась к его телу, обнимая руками и ногами так сильно, словно хотела проникнуть ему под кожу, слиться в единое целое.

– Рэ-э-эй... я больше не могу... – проскулила она, выгибая спину и притягивая его голову к своей груди.

Рэндалл, не замедлившись ни на секунду, припал к ней и жадно слизал выступившую капельку молока. Это было до безобразия неправильно... но от этого ему было до безобразия хорошо. Он толкнулся в последний раз и громко, протяжно застонал, когда его накрыло волной удовольствия. Едва найдя в себе силы, он скатился с Авроры и улегся рядом. Несколько минут лежал с закрытыми глазами и пытался восстановить дыхание.

Когда Рэндалл открыл глаза, он увидел, что Аврора, лежа на боку и подперев рукой голову, смотрит на него с игривой улыбкой.

– Что это сейчас было, зверюга?

К нему постепенно начал возвращаться рассудок, и он стыдливо прикрыл лицо ладонью.

– Прости, душа моя, но я так по тебе соскучился, что просто обезумел при виде твоего тела.

– Все хорошо, Рэй, мне было приятно. – Аврора убрала его руку и чмокнула в нос. – Я бы даже сказала, это было восхитительно. Но ты так озверел, что теперь мне в жару придется носить платья с высоким воротом, чтобы скрыть твои отметины.

Рэндалл растянул губы в наглой, кошачьей улыбке.

– А ты не скрывай. Пусть все знают, что ты моя.

Аврора удивленно выгнула брови, а потом, развернув его на спину, уселась сверху.

– Хорошо, но только при условии, что и ты будешь с гордостью демонстрировать мои отметины. Пусть все знают, что ты мой.

Он тихо засмеялся, когда Аврора склонилась и припала к его шее губами, с силой всасывая кожу. Кажется, сегодня они оба не смогут выспаться. От этой мысли Рэндалл снова испытал болезненное возбуждение.

Он проснулся от тихого стука в дверь.

Разлепив глаза, Рэндалл обнаружил, что за окном только начало светать. Он лежал на животе, обняв подушку руками, а Аврора распласталась рядом, закинув на него свою ногу.

Стук в дверь повторился.

Аккуратно, чтобы не разбудить жену, он выбрался из постели, а затем отыскал на полу штаны и, на ходу надевая их, направился к двери.

– Почему так рано, Томас? Что-то случилось? – осведомился Рэндалл, едва сдерживая зевоту. Они с Авророй не спали добрую часть ночи, и он искренне надеялся отоспаться утром.

Томас окинул удивленным взглядом его оголенный торс, на котором уже начали проступать алые кровоподтеки, но быстро справился со смятением, сделав вид, что ничего не заметил.

– Случилось, мой принц. Пришли вести из Восточного королевства от Холланда.

От сонливости не осталось и следа, и Рэндалл весь подобрался. Он не ожидал получить вести так скоро.

Холланд уехал в Дахаб, столицу Восточного королевства, две недели назад, чтобы навестить родных и навеститься в Орден теней.

– Ну же. Не томи, в чем дело?

– Король Элас тяжело болен. По словам Холланда, ему осталось не больше месяца.

Рэндалл почувствовал в груди неприятную тяжесть. Еще утром он лелеял надежды на благотворный союз с Эласом, а теперь они грозились обратиться в пепел.

– Собери членов Совета в зале заседаний к девяти утра. Надо обсудить новый план действий, – спокойно сказал Рэндалл.

Кажется, в ближайшем будущем его ожидала поездка на Восток.

Глава 3

Проснувшись, Аврора обнаружила, что Рэндалл уже ушел. Она лениво потянулась, перевернулась на противоположный край кровати и обхватила его подушку. Запах скошенной травы и лесных ягод приятно защекотал нос, отчего на ее губах расцвела счастливая улыбка. Она позволила себе еще немного повалиться в объятиях сонной неги, предаваясь воспоминаниям о прошедшей бурной ночи, а потом оделась и направилась в свои покои.

Ее крошечный комочек счастья сопел мирным сном в колыбельке, а рядом с ним в кресле-качалке дремала Тина. Она была накрыта тонким пледом; одна рука замерла на колыбельке, покачивая ее даже во сне, а вторая была спрятана под одеялом. Складывалось впечатление, будто кто-то пришел сюда ночью и укрыл вечно мерзнущую девушку, но Аврора подозревала, кем был этот таинственный гость.

Аврора склонилась над колыбелькой и трепетно коснулась детского лобика. Почувствовав ее присутствие, малыш беспокойно заерзал и через несколько мгновений распахнул прозрачно-серые глаза.

Эти глаза поначалу пугали ее. Они были прекрасны, точь-в-точь как у Рэндалла, но ей было непривычно видеть у младенца столь неестественный цвет радужки и осознанный взгляд. Но Аврора убедила себя, что ее сын такой же особенный, как и его отец.

– Здравствуй, солнышко, – проворковала она, и Райнер начал хаотично махать ручкой, которую вытащил из пеленки. Аврора взяла малыша на руки и присела на кровать, готовясь покормить.

– Доброе утро, моя госпожа, – восторженно сказала Тина, на ходу поправляя косу, скрывая шрам на скуле. – Вы давно вернулись? Это вы меня укрыли?

– Доброе утро, Тина, я вернулась только что. – Аврора загадочно улыбнулась. – И укрыла тебя не я.

Служанка зарделась и опустила голову, скрывая смущение.

Аврора обнажила грудь и начала кормить Райнера. В эти моменты для нее переставал существовать весь остальной мир. Она с обожанием наблюдала за тем, как малыш сосет грудь, надувая щеки, жадно причмокивая и пыхтя от усердия.

Но сегодня ее отвлекало присутствие служанки.

– Тина, ты что делаешь? – удивленно спросила Аврора, когда она опустилась на четвереньки и чуть ли не с головой забралась под кровать.

– Моя госпожа, вы не видели мой браслет с деревянными бусинами? – В голосе Тины сквозило отчаяние.

– Нет, может быть, ты оставила его у себя в комнате? – Аврора с сочувствием посмотрела на нее. Она знала, что браслет был подарком ее младшей сестры и Тина безмерно дорожила им.

– Нет, вчера, когда я пришла сюда, браслет точно был на моей руке.

Тина ползала на четвереньках по всей комнате, заглядывая в каждый угол. Аврора вытянула шею, внимательно осматривая пол.

Их поиски прервал звук открывшейся двери, прежде чем в комнату вошел Рэндалл.

Тина вскочила на ноги и, откланявшись принцу, покинула покои.

– Что с Тиной? На ней лица нет. – Рэндалл сел рядом с Авророй и нежно поцеловал ее. Потом наклонился к Райнеру, который продолжал сосать грудь даже во сне, и коснулся губами его лба.

– Она потеряла браслет, подарок младшей сестры, – ответила Аврора. – А ты где был? Снова пытался одолеть Закарию на тренировочной площадке?

Рэндалл улыбнулся уголками рта.

– Одолеть Закарию – задача для меня недостижимая. Только если он будет ранен в обе руки. Я был на заседании Совета.

– На заседании? В такую рань? Что-то случилось?

Рэндалл склонил голову и устало провел рукой по волосам.

Этот жест насторожил Аврору. Она инстинктивно прижала к себе ребенка, нутром чувствуя какую-то опасность.

– Пришло письмо с Востока от Холланда. Король Элас серьезно болен. Я должен успеть навестить его и завязать дружеские отношения с его сыном, Кайнером.

У Авроры ушло несколько секунд на переваривание новости.

– Ты уезжаешь? – дрогнувшим голосом спросила она.

– Да, я должен.

– Я поеду с тобой! – воскликнула Аврора, чем разбудила спящего Райнера. Сын беспокойно заерзал в ее руках, и Рэндалл забрал его к себе. Он вложил указательный палец в крохотную ручку, которую Райнер снова умудрился вытащить из пеленки.

Когда малыш крепко сжал его палец, на лице Рэндалла расцвела ужасно счастливая улыбка. Раньше он так улыбался только Авроре и Анне.

– Рэй...

Улыбка на губах Рэндалла померкла.

– Аврора, я не могу взять тебя с собой. Райнер слишком мал для таких путешествий, а оставлять его одного... Ты ведь не сможешь доверить его кормилице и нянькам на пару месяцев.

– Пару месяцев?

К горлу Авроры подкатил ком. В последний раз, когда Рэндалл отсутствовал так долго, он вернулся с тяжелым ранением и едва не лишился руки.

– Да. Может быть, я сумею вернуться пораньше.

– Когда уезжаешь? – спросила она поникшим голосом.

– Я дал прислуге три дня на сборы. Аврора, – он высвободил палец из ладошки Райнера и коснулся лица жены, – не расстраивайся, любимая, время пролетит быстро, особенно рядом с Райнером. Я вернусь к вам сразу, как только смогу.

Рэндалл прижался лбом к ее лбу и взял за руку. Аврора опустила взгляд на их переплетенные пальцы. Перстни при свете дня едва заметно мерцали.

– Пообещай мне, Рэндалл.

– Что угодно.

– Пообещай мне, что ты вернешься к нам и этот месяц пролетит быстро. Обещай, что даже вдали от дома будешь думать о нас. – Аврора не заметила скользящую по ее щеке слезу.

Рэндалл переложил на кровать уснувшего Райнера и усадил Аврору к себе на колени.

– Так и будет, душа моя, я обещаю. – Он нежно прикоснулся губами сначала к одной ее щеке, а затем к другой. – Но и ты пообещай мне беречь себя и Райнера, не унывать и ждать меня.

– Обещаю... – Аврора усилием воли улыбнулась.

Рэндалл крепче прижал ее к себе и поцеловал.

Аврора хотела продлить этот миг. Продлить эти три дня, чтобы час его отъезда так и не настал, но время словно обратилось против нее. Оно утекло, как вода сквозь пальцы.

Утром четвертого дня Аврора проснулась раньше обычного. Когда она увидела рядом с собой одинокую, примятую подушку, ее сердце едва не разорвалось от неожиданного страха, что Рэндалл уехал не попрощавшись. Но в следующее мгновение ее взгляд упал на окно.

Рэндалл стоял там, одетый лишь в черные ночные штаны. О том, что он тоже проснулся совсем недавно, свидетельствовали припухшие глаза и взъерошенные волосы. На руках он держал Райнера. Малыш бодрствовал, активно махая ручками, которые сердобольный отец выско-

бодил из пеленки. Прижимая голову сына к своей щеке, Рэндалл покачивался из стороны в сторону и что-то напевал под нос, а Райнер не издавал ни звука, будто внимательно слушал, о чем пел ему папа.

Аврора не желала нарушать эту идиллию и любовалась ими, лежа в кровати.

Стук в дверь, неприятно громкий, точно удар гонга, нарушил чудесный миг.

– Ваше Высочество, все приготовления завершены. Когда прикажете выдвигаться в порт? – раздался из-за двери голос камердинера Томаса.

– Через два часа, – коротко отозвался Рэндалл.

Аврора резко села.

Рэндалл оглянулся на нее со слабой улыбкой, и Аврора тут же подлетела к нему, обнимая за талию.

– Может быть, ты не поедешь? – обреченным тоном прошептала она. – Может, просто напишешь письмо? Элас ведь твой родственник по линии бабушки. Он не откажет в союзе.

Ей отчаянно не хотелось отпускать мужа в путь. Она понимала, что ведет себя неразумно и по-детски, но ничего не могла с собой поделать.

– Ты же знаешь, что я не могу, Аврора. Всего месяц, и мы снова будем вместе.

– Я боюсь...

– Чего, душа моя? Я оставляю в замке Закарию, он будет вас охранять.

– Я боюсь не за себя. – Она подняла полный отчаяния взгляд на него. – Я не знаю, как это объяснить.

Он подошел к колыбели и положил Райнера. Малышу это явно не понравилось, и он начал возмущенно пыхтеть.

– Душа моя. – Рэндалл приблизился к Авроре и крепко обнял. – Это отголоски того похода, перед которым мы сильно поссорились, а я потом вернулся раненым. Но сейчас все иначе. Я отправляюсь не на битву, а в гости к нашему союзнику. Все будет хорошо, обещаю.

– Море осенью неспокойно. Вдруг вы попадете в шторм?

– «Виктория» прошла через многие бури. Не переживай.

Аврора уткнулась носом в его обнаженную грудь. Она не могла надышаться родным запахом, не могла насытиться ощущением тепла его кожи. Она обхватила руками его туловище так крепко, словно силой хотела удержать мужа в спальне.

– Я люблю тебя, Рэй.

– Ты глазом моргнуть не успеешь, как пролетит время и я вернусь. – Рэндалл прижался губами к ее макушке. – Я обещаю.

Спустя два часа Рэндалл покинул Вайтхолл.

Аврора не стала провожать его до порта – по обычаю арденийцев они распростились в замке. Она долго смотрела вслед удаляющейся карете, прокручивая в голове его обещание.

– Вернись ко мне, – прошептала она в пустоту, и ветер ответил ей тихим шелестом желтеющей листвы.

Глава 4

Они пробыли в пути два дня. На третий – поднялся сильный ветер, нагнав с северной стороны грозные тучи, предвещая шторм.

Рэндалл сидел в своей каюте и пытался написать короткое послание Холланду, чтобы сообщить о скором прибытии.

С палубы иногда доносился крик капитана Уикхема, что отдавал приказы морякам. Снаружи слышался рокот волн, ударяющихся о судно с устрашающей мощью. Волнение моря только усиливалось, и в каюте это ощущалось не хуже, чем на палубе. Благо, Рэндалл не страдал морской болезнью, в отличие от бедняги Дилана – его личного стражника на время путешествий. Рэндалл мог бы взять с собой Закарию, но и он, и Томас остались по приказу принца в Ардене, подле Авроры и Райнера. Так ему было спокойней.

Рэндалл нутром чувствовал, что смутное, тревожное будущее ждало его на пороге, протягивало к нему свои цепкие щупальца, чтобы схватить и унести в водоворот событий, сталкиваясь с которыми он учился с самого детства, но до сих пор не был готов. Провозглашать себя королем Ардена, идти войной против родных братьев и проливать кровь. Теперь, когда у него появилась семья – настоящая, любящая, счастливая, – он тем более не хотел всего этого.

Но у него не было выбора.

Жажда войны охватила не только ненасытных южан, которые стремились установить господство на всем Великом Материке. Своенравные, амбициозные арденийцы с каждым днем все более смело и открыто говорили о скором освобождении от южного ига.

Все, что мог сделать Рэндалл, – это лишь оттянуть неизбежное. Возможно, если он сумеет заключить надежный союз с Востоком и наладить отношения с Севером, Артур поостережется идти в открытое наступление. В том случае Рэндалл сможет выиграть для простого народа еще несколько лет мирной жизни.

Написав карандашом послание – потому что открывать чернила при такой качке было бы весьма опрометчивым поступком с печальными последствиями, – Рэндалл начал сворачивать бумагу. Корабль качнуло, на этот раз гораздо сильнее, чем прежде, и принц чуть не свалился с кресла. Уголок плотного пергамента скользнул по его пальцу, оставляя неглубокий порез, из которого потекла тонкая струйка крови.

– Дьявол, – выругался он, стирая кровь с фамильного перстня с гербом Вейландов, но лишь сильнее размазал ее, и с раздражением снял кольцо.

В каюту, не постучавшись, ворвался Дилан.

– Ваше Высочество!

– Дилан, ты мне как раз нужен. Отправь ворона в Дахаб с весточкой для Холланда.

– Ваше Высочество! – повторил тот, и Рэндалл, который все это время натирал платком перстень, поднял голову.

Перед ним стоял вовсе не Дилан, а старпом капитана.

– Что случилось, Оливер? – спросил принц.

– Шторм усиливается.

– Я заметил, – с иронией ответил Рэндалл, и, словно в подтверждение его словам, корабль снова качнуло, да так, что к его горлу подкатила тошнота.

– Ваше Высочество, матросы обнаружили в трюме пробоины.

– Что? – По его спине прошелся неприятный холодок. – Но как? Судно ведь проверяли накануне отплытия.

– Очевидно, повреждения появились в ночь перед отплытием. Капитан Уикхем отдал распоряжение задействовать все помпы, чтобы устранить течь.

Рэндалл отправился на палубу лично поговорить с пожилым капитаном, который более двадцати лет выходил в море под парусами «Виктории». Как он мог упустить из виду повреждения в судне? Как они теперь переживут шторм? Рэндалл вобрал в легкие побольше воздуха и мысленно приказал себе сохранять хладнокровие.

Когда он поднялся на палубу, его пронзил холод, пропитанный влажностью и соленым воздухом. Вокруг на много верст царила непроглядная мгла.

Капитан Уикхем стоял на шканцах, держась за ванты, и зычным голосом отдавал распоряжения морякам, которые скрепляли паруса.

Рэндалл ощупью пробрался вдоль борта и приблизился к старому моряку.

– Капитан Уикхем, старпом доложил, что в трюме открылась течь.

– Не переживайте, Ваше Высочество, мы справимся с этой неприятностью. Матросы уже сливают воду, – самоуверенно выкрикнул Уикхем.

Рэндалл нахмурился.

– Почему повреждения были обнаружены, только когда мы вышли в открытое море? Почему была допущена такая осечка?

Капитан обернулся к Рэндаллу.

– Мой юный принц, очевидно, кто-то хотел, чтобы наш корабль оказался в бедственном положении. – Он прищурил глаза, внимательно изучая Рэндалла. – Но не переживайте, «Виктория» выстояла против многих штормов, выстоит и против этого. И раз уж здесь сын той, в честь кого назвали судно, – это добрый знак.

Последние слова капитана вызвали в сердце Рэндалла бурю страшнее той, что бушевала в море. Он догадался. Осознание случившегося складывалось в его голове по крошечной детали, точно мозаика, в ужасающую картину. Рэндалл будто сквозь мутную пелену видел, как по палубе, держась за ванты и бортики судна, перебираются матросы и пытаются предпринять попытки выстоять против яростной стихии. Все звуки вокруг стихли на несколько тонов, уступая голосу в его голове.

«Море осенью беспокойно. Вдруг вы попадете в шторм?»

Не только Аврора понимала, что выходить в море в это время года – опасная авантюра. А если корабль не готов к плаванию, то это было равносильно гибели...

«Как только твой брат Артур займет трон отца, он попытается отобрать те крохи суверенитета, что остались у Ардена. И его, в отличие от тебя, не волнует, что вы одной крови».

Слова, сказанные Нилом в день проведения ритуала, вонзились в его сердце, причиняя боли больше, чем меч. Неужели Артур решил не дожидаться восхождения на трон и устранить угрозу заранее?

Внезапно с огромной яростью на корабль накинута ветер и чуть не унес всех моряков в открытое море. Рэндалл чудом избежал этой участи, судорожно вцепившись за трос.

Стихия разбушевалась. Соленые капли забирались ему даже в нос. Складывалось ощущение, что идет дождь – настолько мокрой и скользкой стала вся палуба от огромных волн. За пределами корабля не было видно ничего: темные воды океана заслоняли все.

В этом непроглядном мраке черный камень в перстне Рэндалла мерцал ярким тревожным светом. Он засмотрелся на это свечение, как вдруг воздух прорезал скрип и крики матросов.

– Мачта! Мачту сейчас снесет!

– Просквози меня гарпун! – выругался Уикхем.

Дальше Рэндалл не слышал уже ничего. События, как ему казалось, происходили слишком быстро. Новый шквал ветра нагнал высокий вал, который ударился о корму, заливая палубу ледяной соленой водой. Снова раздался треск, и мачта с грохотом упала на нос корабля, разломав форштевень и проломив пол.

Рэндалл слышал истошные крики матросов и все понимал. Корабль потонет. Экипаж вместе с ним. И эту гибель принесет именно он – Дитя войны. Сын Виктории на корабле, названном в ее честь, был добрым знаком? Как бы не так. Ведь именно он положил начало ее гибели, родившись на свет. И вот она, прошедшая сквозь сотни бурь, умирает вновь – по его вине.

«Пообещай мне, что ты вернешься к нам».

Родной голос терзал его сердце, а разумом впервые завладел страх.

– Обещаю... – прошептал Рэндалл, когда на судно обрушился очередной вал.

Послышался хруст, но Рэндалл не успел понять, что сломалось в этот раз. Когда корабль накренился, его руки соскользнули с влажного троса, и он упал. Последнее, что он увидел, – это летящая прямо на его голову увесистая балка.

«Обещаю», – подумал он, прежде чем его накрыл мрак.

Глава 5

Октябрь, 1135 г. со дня Разделения

В Ардене началась самая нелюбимая для Авроры пора – период холодных, промозглых дождей. Небо было затянуто серыми низкими тучами, а по утрам стоял такой туман, что из окна ничего не было видно. Из-за ненастной погоды Аврора почти не выходила на улицу с Райнером, и большую часть дня они проводили в покоех.

На улице вечерело, когда Аврора решила уложить Райнера. Они лежали вдвоем на кровати, и она с умилением наблюдала, как ее сын сжимает в пухлых ручках тряпичную игрушку. Он хаотично дрыгал всеми конечностями и возбужденно пыхтел и агукал.

– Вот Рэндалл удивится, как быстро ты растешь, – ласково прошептала она. Услышав имя отца, Райнер нахмурился и поджал губы, будто вот-вот расплачется. – Ты тоже скучаешь по папе? – спросила Аврора и погладила румяную щечку. – И я скучаю... Не грусти, еще месяц-другой, и папа к нам вернется.

Но ее слова возымели обратный эффект. Малыш сморщил личико и истошно заплакал. Аврора взяла его на руки, поднялась с кровати и начала расхаживать по комнате, покачивая сына из стороны в сторону.

– Тише, тише, солнышко, все хорошо, – ворковала она, но Райнер раскапризничался еще сильнее.

У Авроры ушло около получаса, чтобы успокоить его. Когда сын наконец-то уснул, она переоделась в сорочку и залезла под одеяло. Она долго не могла уснуть, но когда сон все-таки пришел, ей приснился кошмар.

Ее окружало бескрайнее бушующее море. Огромные волны неслись на корабль, грозя опрокинуть его. Она слышала вокруг себя истошные крики моряков и устрашающе громкий треск дерева. Ей было тяжело дышать, а внутренности сжимались от страха, пока она пыталась разглядеть сквозь непроглядную тьму горизонт. На нее неслась огромная волна, которая с мощностью обрушилась на корабль. Послышался очередной треск дерева, оглушающий грохот, и Аврора проснулась.

За окном стояла тихая ночь.

Аврора судорожно хватала ртом воздух. Она подняла руку, чтобы вытереть липкий пот со лба, и увидела это. Камень в перстне горел иступленным кобальтовым светом и тревожно мигал. Никогда прежде такого не случалось. Аврору обуял страх. Камень мигал еще несколько мгновений, а потом мерцание ослабло до привычного мягкого свечения. Аврора попыталась успокоиться и снова легла.

Может быть, камень души так отреагировал на ее страхи?

«Это всего лишь сон, вызванный переживаниями», – убедила себя она и попыталась снова уснуть.

Весь следующий день она провела в страхе и волнении. Успокоительное снадобье пить побоялась, потому что кормила Райнера грудью и не знала, как лекарство скажется на ребенке. К вечеру, когда она заметила, что камень в перстне потух, ее переживания только усилились. Она старалась не поддаваться панике и найти всему этому разумное объяснение. Возможно, камень души перестал реагировать на свою «пару» из-за большого расстояния между ними, и как только Рэндалл вернется, он вновь замерцает. Аврора ухватила за этот аргумент, как за спасительную соломинку. Но с того момента страх не отпускал ее.

Дни тянулись невыносимо долго.

Рэндалла не было в Аэране вот уже две недели. За это время он должен был добраться до столицы Восточного королевства и отправить ей весточку о благополучном прибытии.

Вороны пересекали залив всего за несколько суток, и Аврора каждый день томилась в надежде, что сегодня она точно получит письмо от Рэндалла. Но его все не было, а страх в груди лишь усиливался и погружал ее сердце в темную бескрайнюю пучину грусти.

Аврора сидела в библиотеке и готовилась к предстоящему уроку по экономике. Она обещала Рэндаллу, что возобновит обучение светским наукам, и, хотя это ей совершенно не нравилось, сдержала слово. Ей казалось, что она провела больше часа за скучнейшим увесистым фолиантом о развитии торговых отношений между странами Великого Материка, когда в библиотеку вошел Томас.

– Ваша Светлость... У меня для вас вести.

Аврора встрепелась и с облегчением захлопнула набивший оскомину учебник.

– Пришло письмо от Рэндалла? – в надежде спросила она, подскочив с кресла.

Аврора не сразу заметила, что губы вечно спокойного и уравновешенного камердинера слегка подрагивали. Он опустил голову, ссутулив плечи, словно ее вопрос причинил ему телесную боль. Аврора опустила взгляд на свиток пергамента, который Томас сжимал в кулаке.

– Это от Рэндалла? – дрогнувшим голосом спросила Аврора.

– Ваша Светлость, это доклад начальника морского патруля Западного королевства...

Аврора медленно опустилась в кресло. По ее спине и рукам пробежала нервная дрожь, а в воспоминаниях всплыл недавний кошмар.

– И что сказано в этом докладе? – услышала она свой охрипший от волнения голос словно сквозь толщу воды.

Томас поднял голову, и Аврора увидела, как по его щекам скатываются слезы. Она догадывалась, что в этом докладе, но не хотела даже думать об этом. Пыталась убедить себя в том, что там весточка, сообщающая, что на корабле Рэндалла случилась какая-то поломка и они вынуждены были остановиться на время у берегов Западного королевства. Да, так и было. Просто теперь Авроре придется ждать немного дольше. Вот и все. Она даже не заметила, как закрыла уши руками, будто ее тело, опережая разум, все поняло и пыталось защититься от страшной новости.

– Восемь дней назад после сильного шторма на берег вынесло обломки корабля, – произнес срывающимся голосом Томас. – При изучении обломков было установлено, что они с «Виктории». Команда морского патруля исследовала залив в поисках выживших в море, но никого не нашла... Ваша Светлость, вероятнее всего, что весь экипаж «Виктории», включая принца Рэндалла...

– Нет! Нет! Нет! Замолчи! Не смей! – Аврора подлетела к Томасу и начала колотить его по груди. – Он обещал! Слышишь?! Он обещал вернуться! Он не мог! Нет! Нет!

– Ваша Светлость, пожалуйста, успокойтесь. – Томас мягко перехватил ее руки и отошел на несколько шагов.

Он сказал что-то еще, но Аврора ничего не слышала: его слова заглушил сильный вой разбушевавшегося ветра. Внезапно она почувствовала в ногах сильную слабость. Аврора осела на пол и, обхватив себя за плечи, начала раскачиваться из стороны в сторону, чтобы хоть как-то утихомирить ноющую боль в сердце. Перед глазами все потемнело, а вой никак не прекращался, становясь все громче и жалобнее, как будто погода скорбела вместе с ней. И только когда чьи-то теплые руки коснулись ее плеч, Аврора поняла, что душераздирающий вой разносился по замку из ее уст.

Глава 6

Октябрь, 1135 г. со дня Разделения

Карета медленно тащилась по ухабистой безлюдной дороге, утопая колесами в вязкой грязи. Тристан посмотрел в окошко и с трудом смог разглядеть очертания замка сквозь пелену дождя.

Тристан не хотел приезжать сюда. Но ехать в такую погоду до арденийского порта было бы убийственной затеей. Он и так продрог насквозь, и все, что ему сейчас хотелось, – это лечь в теплую постель, желательно в обнимку с хорошенькой девушкой. Он собирался переночевать в трактире, но несколько часов назад, когда они пересекали небольшой лесок на границе Блэкстоуна, черт его дернул остановить карету, чтобы справить нужду. Стоило ему выйти под проливной дождь, как к нему подъехал на лошади мужчина в плаще с капюшоном. Им оказался камердинер Уилла.

– Ваше Высочество принц Тристан? Решили пожаловать в гости к принцу Уильяму? – спросил высокий рыжий мужчина. По его словам, он ездил по каким-то делам в соседнюю деревню. – Я поеду вперед, чтобы оповестить Его Высочество о вашем визите.

У Тристана не осталось иного выбора, и он приказал кучеру двигаться в замок Блэкстоуна. Если бы он ответил отказом, это дошло бы до ушей Уилла, который обязательно разболтал бы все своей жене...

Последний раз он виделся с Джоанной больше трех месяцев назад. Это случилось в Фор-тисе на торжестве по случаю дня рождения Алана. Тристан не планировал приезжать. Больно много чести этому сидящему козлу, но мать прислала письмо с просьбой уважить отца, а ей он отказать не мог. На празднестве собрались все сыновья Алана вместе с их женами и детьми. Уилл с Анной, а также Рэндалл с Авророй прибыли в Голдкасл вместе.

Тристан и по сей день помнил их приезд в мельчайших деталях.

Три месяца назад, Голдкасл

Тристан сидел на лавочке под сенью высокого дуба и читал какой-то глупый женский роман, который отыскал на полке у Кристины. Сюжет в нем был до постыдного примитивным, но его забавляли некоторые пикантные, а то и вульгарные сцены. Он не ожидал встретить в книге для юных девиц столько похабщины, а после очередной ссоры с отцом настроение от чтения этой белиберды заметно повысилось.

К середине книги Тристан уверился, что написала сие творение неопытная девственница, в глаза не выдавшая голого мужчину. К тому времени, когда он добрался до очередной сцены страстного соития, от которой чуть не расплакался от смеха, во двор въехал большой экипаж, запряженный девяткой породистых скакунов. К карете мигом подскочили слуги, распахивая двери с обеих сторон, и из нее вышли сперва Уилл с Рэндаллом, а следом, держась за руки своих мужей, – Джоанна и Аврора.

На мгновение дыхание Тристана сбилось, а сердце пустилось в галоп, но он быстро взял себя в руки и натянул привычную нахальную маску.

– Какие люди! – Он спрятал книгу во внутренний карман сюртука и вальяжной походкой направился к супружеским парам. – Не ожидал, что вы приедете.

– Это еще почему? – спросил Уилл с широченной улыбкой, пожимая руку Тристана.

– Думал, Рэндалл сделает папеньке более весомый подарок и сломает себе ногу или, что еще лучше, свернет шею.

Рэндалл демонстративно закатил глаза, но руку для приветствия все-таки протянул.

– А от тебя, Уилл, не ожидал, что ты оторвешься от юбки жены. Собственно, ты этого и не сделал, раз притащил ее сюда в таком состоянии.

Тристан заставил себя взглянуть на девушек. Аврора приветливо улыбалась, отчего на ее румяных щеках, которые заметно округлились, играли ямочки. Она прибавила в весе из-за беременности, но это ее ничуть не портило. Она, напротив, стала до неприличия хорошенькой и аппетитной. Тристан уже предвидел, как все мужчины Фортиса будут таращиться на нее и пускать слюни, а Рэндалл метать в них убийственные взгляды.

– Ожидание ребенка тебе к лицу, маленькая княжна! – Тристан нахально подмигнул Авроре и поцеловал пухлую теплую ладонь. А потом дал слабину, позволив себе смотреть в глаза Анны дольше положенного. – Здравствуйте, леди Джоанна, – учтиво поприветствовал он невестку и едва коснулся губами прохладной кожи ее руки.

Рядом с пышущей здоровьем Авророй, которая минутами ранее бодро выпрыгнула с кареты, несмотря на то что рожать ей уже через месяц, Анна выглядела болезненно. Лиловое пышное платье не могло скрыть выпирающие ключицы и острые плечи, и на фоне такого щедедушного исхудалого тела живот Анны казался неестественно огромным, хотя срок был на несколько месяцев меньше, чем у Авроры. Привычный румянец на щеках уступил место сероватой бледности. Даже ее волосы, которые всегда отливали чистым золотом, сейчас выглядели блеклыми, точно солома.

– Здравствуйте, принц Тристан, – ответила Анна на его приветствие и робко улыбнулась.

От этой улыбки сердце Тристана сжалось, а потом сделало тройное сальто. Невзирая даже на очевидное недомогание, Анна была прекрасна, душераздирающе красива, и, черт бы ее побрал, как всегда недостижима...

– Вы два идиота, – небрежно бросил Тристан, придя в себя от минутного помешательства. – Как можно было тащить в такую даль беременных женщин?

– Ты видел Аврору? – Рэндалл окинул жену недовольным взглядом. – Она до сих пор ездит верхом, наплевав на все мои запреты. Я ее вообще не хотел брать с собой.

– Я бы подсыпала тебе в еду икотное снадобье, если бы ты посмел мне отказать. – Аврора показала Рэндаллу язык, на что он снова закатил глаза.

Но от Тристана не укрылось, с какой нежностью он обнял жену за талию, посмотрев на нее таким по-щенячьи преданным взглядом, что Тристана едва не стошнило от переизбытка нежности.

– Ну а ты, Уилл? Твоя жена явно не похожа на ту, кто может оседлать коня. – А если быть точнее, то Джоанна выглядела так, будто ее всю дорогу беспрерывно тошнило.

От замечания Тристана она смутилась и крепче ухватила за локоть Уилла.

– Анне сейчас гораздо лучше. Ей помогли снадобья Авроры. – Уилл искренне улыбнулся и накрыл ладонью руку Анны, которой она держалась за его локоть.

Она улыбнулась ему в ответ и повернулась к Тристану:

– Уилл прав, я чувствую себя намного лучше. Мне не хотелось оставаться одной в Блэкстоуне, поэтому упростила взять меня с собой.

Тристан скептически выгнул бровь и украдкой взглянул на Рэндалла. Его лицо было угрюмее тучи, да и Аврора, под стать мужу, хмурилась. Казалось, один лишь Уилл свято верил в то, что Анна прекрасно себя чувствует. Слепой идиот.

С того момента Тристан коршуном следил за Анной. Несмотря на недомогание, она всем улыбалась на торжественном балу, весело шутила, смеялась и даже несколько раз танцевала. Уилл светился, как начищенный медный таз, и желание Тристана съездить по его довольной физиономии росло с устрашающей скоростью.

От Тристана не укрылось и то, как после очередного танца Анна еще сильнее побледнела и, опустившись на стул, начала обмахиваться веером. К ней подошел Рэндалл, и у них завязался продолжительный спор. Анна категорично мотала головой, отчего брат недовольно поджимал губы, но потом, видимо, не справившись с упрямством кузины, отошел к Авроре, которая улыбалась и смеялась гораздо чаще, чем в прошлый визит в Фортис.

Ближе к концу бала лицо Анны приобрело землистый оттенок. Тристан подпирал плечом стену и баюкал в руке бокал вина, когда она прошла мимо него неуверенной походкой, направляясь во внутренний дворик с фонтаном. Он отыскал взглядом Уилла. Тот оживленно разговаривал с их троюродным кузеном и даже не заметил ухода Анны.

Тристан честно выждал несколько минут в надежде, что этот болван отправится за женой, но не выдержал и сам пошел к ней.

Во внутреннем дворе было свежо, прохладно и непривычно тихо, в отличие от шумного бального зала. Привратники отчего-то не зажгли здесь фонари, и поэтому Тристан не сразу заметил темный силуэт на лавочке в глубине сада. Он неторопливо, почти беззвучно подошел к ней.

– Анна, ты в порядке?

Услышав его голос, она испуганно вздрогнула.

– Тристан, это ты?

– Да.

– Тут так темно, я тебя еле вижу.

Тристан опустился на лавку рядом с ней и попытался разглядеть ее лицо во мраке. Она тяжело дышала и продолжала обмахиваться веером даже на свежем воздухе.

– Анна, тебе нехорошо?

– Нет-нет, все в порядке! – совсем неубедительно соврала она. – Просто в зале очень душно, вот я и пришла сюда.

– Анна. – Тристан нащупал в темноте ее руку и ощутил, насколько она ледяная. – Зачем ты это делаешь? Почему мучаешь себя?

Она молчала, казалось бы, вечность.

– Я не хочу расстраивать Уилла. На нем лица не было, пока я была прикована к кровати. Думала, он с ума сойдет от переживаний. А сейчас он весь светится от счастья. Он так рад, что мне стало лучше...

– Проклятие! – выругался Тристан так громко, что Анна вздрогнула. – Анна, бога ради, тебе не стало лучше. Ты выглядишь, как живой труп. Какого черта ты переживаешь о чувствах Уилла, когда должна заботиться о себе и ребенке? Или это у вас с кузеном фамильная корвиновская черта – думать обо всех, кроме себя?

Его слова били Анну сильнее хлесткой пощечины. Она не издавала ни звука несколько мгновений, а потом громко всхлипнула.

– Я так устала, Тристан... устала от всего этого, – прошептала она и горько расплакалась.

Тристан тут же пожалел о своих словах. Он придвинулся к Анне и притянул ее к себе, обнимая за плечи. Она не стала сопротивляться и положила голову ему на грудь. Слезы стекали с ее лица на его рубашку, оставляя на ткани влажные пятна.

– Поплачь, любимая, тебе станет легче, поплачь, – нежно шептал он и поцеловал ее макушку, вдыхая аромат ландышей.

Черт бы ее побрал, как же он по ней скучал.

– Мне плохо, Тристан, – прохрипела Анна сквозь слезы. – Порой бывает так плохо, что я начинаю ненавидеть этого ребенка... А потом презираю себя за подобные мысли. Что я за мать такая, раз ненавижу собственное дитя?!

– Ну-ка перестань корить себя, Анна. Ты просто устала. И схожие чувства наверняка испытывают многие женщины. Я, хвала богу, никогда не рожал, но слышал от женщин, что как только на свет появлялось сопливое, орущее создание, то они сразу забывали про все муки беременности и родов. Так случится и у тебя, вот увидишь. Как возьмешь на руки своего ребенка, до омерзения похожего на его тупоголового отца, и вмиг полюбишь его сильнее всех на свете.

Казалось, что его слова убедили Анну. Она притихла, но по-прежнему прижималась к его груди, тихонько всхлипывая и шмыгая носом. Тристан совершенно забыл про свои обещания никогда больше не показывать Анне собственных чувств и беспрестанно касался губами ее мягких волос и обнимал так крепко, но бережно и нежно.

Вскоре Анна окончательно успокоилась и неловко отстранилась.

– Так значит, я похожа на труп? – с укоризной спросила она, однако Тристан услышал в ее голосе усмешку.

– Да, но невзирая на это, ты была самой прекрасной девушкой на балу.

– Неправда, я и до беременности не блистала красотой.

Тристан склонился к ней, пытаясь в темноте увидеть любимые черты лица. Нежный аромат цветов сводил его с ума.

– Для меня, Анна, ты самая красивая...

Он услышал ее рваный вздох и вдруг почувствовал, что она прикоснулась кончиками пальцев к его щеке. Тристан наклонился еще ближе, обхватив ее шею руками, на ощупь отыскивал ее губы и накрыл их своими.

Несколько секунд он наслаждался этим дивным ощущением со смесью блаженства и страха, а потом... потом Анна ответила на поцелуй, и все полетело к чертям. Он впивался в мягкие губы, вторгался языком в ее рот и умирал от желания поглотить ее, завладеть ею, испить без остатка.

Она принадлежала ему, всегда была его, и Тристана не волновало, что она чужая жена, что любила своего бестолкового мужа. Ее сердце навек было отдано Тристану, и ничто неспособно это изменить. Анна доказывала это, когда жадно цеплялась за его плечи, зарывалась пальцами в волосы и поглаживала его лицо и шею. Тристан до одурения хотел почувствовать ее тело ближе и уже собрался посадить Анну к себе на колени, но тут он нащупал рукой ее круглый живот.

Это вмиг отрезвило его. Будь ее мужем любой другой человек, Тристан соблазнил бы ее, не задумываясь, стал бы ее любовником. Хотя нет – он бы убил этого ублюдка и украл бы Анну себе. Но она была замужем за Уиллом, за его младшим братом, а у Тристана, пусть его и прозвали при дворе Порочным принцем, все же имелись какие-то принципы.

Приложив нечеловеческие усилия, он прервал поцелуй.

– Это было ужасной ошибкой... Я должна вернуться, – после нескольких минут гробовой тишины прошептала Анна.

– Прости, я не должен был...

– Не надо. Нам лучше больше не оставаться наедине.

Анна поднялась с лавки и направилась в сторону замка.

Тристан еще несколько минут просидел в одиночестве, чтобы не возвращаться в зал одновременно с Анной и не вызвать лишних подозрений. События последних минут пробудили в его душе щемящую тоску и чувство вины. Он не должен был переходить черту.

Тристан побрел было ко входу, но перед ним появилась Кристин.

– Ты в своем уме, Трис? – поинтересовалась она, закуривая сигарету в длинном мундштуке.

– А ты что, следила за мной?

– Я караулила вход, чтобы никакой страстной парочке не взбрело в голову уединиться в этом дворе и не застукать вас с Анной наедине.

– Я польщен твоей заботой, – с сарказмом ответил Тристан и, забрав у нее сигарету, нервно затянулся.

– Тристан, ты в своем уме? – повторила она. – Ты обещал, что оставишь эту девчонку!

– Не переживай, я не такой злодей, каким меня всеставляют, и не сломаю жизнь малышу Уиллу и его супруге.

– Трис, мне плевать с высокой колокольни и на Уилла, и уж тем более на эту соплячку. Я переживаю за тебя!

Тристан сделал последнюю затяжку и вернул сигарету Кристин.

– А за меня тем более не переживай. Со временем я ее обязательно забуду, – серьезным тоном отчеканил он и вернулся в бальный зал.

Тристан не забыл ее тогда, не забыл и сейчас, и вряд ли когда-нибудь сможет. Он знал, что через годик-другой непременно женится и его жена в таких же страшных муках нарожает ему сопливых детей. Знал, что будет безбожно ей изменять и беспробудно пить, превратившись в точную копию своего ублюдка-отца, который в грош не ставил чувства его матери. И он знал, что, сжимая в страстных объятиях очередную девицу, будет думать только о ней, а в очередном бокале вина будет безуспешно пытаться утопить свои чувства.

Когда Тристан добрался до замка Блэкстоуна, его у главного входа встретили Уилл и Анна. Его сердце готово было разорваться от увиденного.

Анна выглядела еще хуже с их последней встречи. Ее живот был огромным, свидетельствуя о скорых родах, и контрастировал с костлявым тощим телом.

– Леди Джоанна, как вы себя чувствуете? – На последнем слове голос Тристана дрогнул. Слабая улыбка тронула ее губы.

– Все хорошо, принц Тристан, не волнуйтесь.

– Анна, здесь довольно прохладно, пусть Кэрол проводит тебя в покои. – Уилл заботливо погладил плечи жены, и Тристан распознал в его голосе нотки тревоги.

Неужели этот осел наконец-то понял, что беременность Анны проходит неестественно плохо?

Анна спорить не стала. Видимо, ей в самом деле было слишком плохо, раз она поступилась нормами этикета приема гостей и сразу отправилась внутрь.

Тристан и Уилл пообедали вдвоем, едва ли перекинувшись парой слов. Обычно веселый и разговорчивый, младший брат был непривычно тих и расстроен.

– Уилл, что лекарь говорит по поводу Джоанны? – Тристан отложил столовые приборы и пристально посмотрел на брата.

Уилл сгорбился и нервно сжал вилку.

– Повитуха говорит, у Анны узкий таз и роды предстоят тяжелые... – Он отбросил вилку, которая с гулким звоном ударилась о поверхность стола, и протер подрагивающей рукой лицо. – А то, что она так ослабла за последние недели, только усугубляют ситуацию.

– Разве нельзя что-то сделать? – Тристан налил в опустевший бокал вина. – Может, есть какие-то настойки, снадобья?

– Княжна Аврора прислала новые снадобья, и Анне после них полегчало. По подсчетам повитухи, до родов осталось примерно две-три недели. Надеюсь, к этому времени Анна окрепнет...

Остаток трапезы они не разговаривали.

После Тристан отправился в подготовленные для него покои и вплоть до самого вечера не мог найти себе места. Он почти осушил бутылку вина, но гнетущие мысли об Анне не покидали его.

Когда большие настенные часы в коридоре пробили семь вечера, Тристан не выдержал и пошел к выходу, намереваясь навестить ее. *«Нет ничего подозрительного в том, что я просто хочу справиться о здоровье хозяйки замка»*, – думал он, закрывая дверь комнаты.

Не успел он ступить и шага, как увидел посреди коридора Уилла. Злобно чертыхнувшись, Тристан уже собирался вернуться в свои покои, но его внимание привлекла странная поза младшего брата. Он стоял, ссутулив плечи, и читал какую-то записку. Свободной рукой зажимал рот.

– Уилл? – позвал Тристан и в ответ услышал лишь громкий всхлип. Он быстро преодолел расстояние между ними и выхватил из его трясущейся руки записку. Содержание письма будто ударило увесистой булавой по затылку.

Тристан поднял ошарашенный взгляд на Уилла, который уже вовсю трясся и пытался заглушить рыдания прижатым ко рту кулаком.

Рэндалл погиб...

От этой мысли в груди зашевелилось странное саднящее чувство.

Он не испытывал к сводному брату такой теплой любви, как Уилл, но от этой новости глаза почему-то нещадно щипало, а в горле першило, как после курения дурманных трав.

Тристан запустил пятерню в волосы. Дышать вдруг стало тяжело. Осознание смерти младшего брата подбиралось к нему маленькими, тихими шажками.

Что теперь будет? Как там бедная Аврора и их ребенок? Что будет с отношениями Юга и Ардена? Что будет с Анной?

Последняя мысль вывела его из ступора. Тристан сморгнул набежавшие слезы, которых даже не заметил, и посмотрел на Уилла, который плакал, не страшась, что в таком состоянии его могут увидеть слуги. Что еще хуже, его могла увидеть Анна.

– Уилл, соберись немедленно, – рявкнул он и, схватившись за отвороты сюртука, встряхнул брата.

– Рэндалл... его нет... Рэндалла больше нет, – всхлипывал Уилл, мотая головой.

– Успокойся, чертов слабак! – Тристан отвесил ему пощечину, и Уилл мгновенно затих, удивленно хлопая ресницами. – Если Анна увидит тебя в таком состоянии, как ты ей это будешь объяснять?

– Рэндалл... брат Анны... она должна... – договорить Уилл не успел, потому что Тристан отвесил ему еще одну пощечину, более ощутимую, от которой на лице остался красный след.

– Ты сдурел, Уилл? Твоя жена еле на ногах стоит, а ты хочешь добить ее этой новостью? Анне нельзя ничего рассказывать! По крайней мере сейчас.

– Что мне нельзя рассказывать? – тихий голосок Анны эхом разнесся по коридору, заставив и Тристана, и Уилла замереть на месте. Она стояла на верхней ступени лестницы, видимо, только что поднялась на их этаж.

Тристан начал судорожно придумывать правдоподобный ответ, чтобы усыпить бдительность девушки.

– Анна? Почему ты встала с постели? – спросил Уилл, пряча от нее заплаканное лицо.

– Я искала тебя. Что случилось? Что вы хотите скрыть от меня? – В ее голосе послышались тревожные нотки.

Тристан уже собирался начать плести придуманную на ходу легенду, но Уилл опередил его:

– Возникли... проблемы... на восточных торговых путях. На груз напали разбойники, – неуверенно промямлил Уилл, украдкой стирая рукавом слезы.

Тристан чуть не взвыл от беспросветной глупости брата. Ну какие, к черту, торговые пути?

– Торговля с Востоком осуществляется по морю, через Арден. – Анна смотрела на мужа со смесью недоверия и скептицизма. – Что происходит? Скажи мне правду!

Тристан облизнул пересохшие губы и серьезным тоном заговорил:

– Анна, дело в том, что Уилл только что получил весть... – Он бросил на брата преудавший взгляд. – Наш отец серьезно заболел. Я боялся, что, узнав об этом, ты будешь переживать за Уилла, и это навредит тебе.

Отлично. Гладкая, совершенная ложь.

Анна не питала к Алану теплых чувств из-за Рэндалла, а потому и волноваться за него слишком сильно не станет. В отличие от Уилла, который очень любил отца, так что обман Тристана логично объяснял его раскисшую физиономию.

На лице Анны появилось сочувствующее выражение. Она подошла к Уиллу тяжелой походкой, держась рукой за поясницу.

– Мне очень жаль, дорогой, – прошептала она и обняла мужа.

Уилл спрятал записку в карман сюртука, прижал к себе Анну и, уткнувшись лицом в ее плечо, беззвучно заплакал.

Тристан больше не мог сдерживать в себе бушующий ураган эмоций.

– Здесь холодно, твою жену просквозит, – небрежно бросил он и зашел в свои покои, громко хлопнув дверью.

– Черт! Черт! Черт! – злобно шептал он, пытаясь удержать непрошенные слезы. – Какого хрена ты сел на этот корабль, чертов ублюдок?

Тристан направился к столику, взял недопитую бутылку вина и отпил прямо из нее. Горло жгло, в глазах щипало, но он продолжал пить, чтобы изгнать воспоминания о брате и утопить в вине скорбь.

Швырнув пустую бутылку в стену и разразившись самыми грязными ругательствами, Тристан решил отправиться в таверну, где можно забыться и ни о чем не думать. Ничего не чувствовать. Ни по ком не страдать. Вот чего хотел Порочный принц.

Он проторчал в таверне до глубокой ночи. Опыненный вином и выкуренными дурманящими травами, разум Тристана томился в сладостном невесомом забытии. Он не думал о гибели младшего брата, которого, как оказалось, все-таки любил; не думал о дорогой сердцу женщине, которая чахла на глазах, нося под сердцем ребенка от другого его брата. Он ни о чем не переживал и блаженствовал от этого.

После очередной выпитой бутылки Тристан устроил дебош и избил троих мужчин. Хозяину трактира приходилось молча сносить его наглые выходки, потому что принц закрыл ему рот увесистым мешочком золота.

Он вернулся в замок, когда до рассвета оставалось всего несколько часов. Однако в коридоре на втором этаже было подозрительно шумно. Служанки сновали туда-сюда с тазами, наполненными водой, и подносами с какими-то микстурами.

Тристан сразу все понял и миготом отрезвел. В конце коридора он увидел Уилла, чьи глаза были заплаканными, а лицо бледным, как у покойника.

– Что происходит? – спросил Тристан, и тут из-за двери раздался истошный крик, от которого ему захотелось умереть на месте.

– Анна... она... у нее начались роды...

– Но ведь еще рано! Почему? – Уилл понуро опустил голову, и Тристана вдруг осенило. Он схватил его за грудки и с силой припечатал к стене. – Ты рассказал ей? Чертов идиот! Как ты мог?

– Я ничего ей не рассказывал! – Уилл высвободился из хватки брата и устало провел руками по выющим светлым волосам. – Она тайком вытащила записку из моего сюртука и прочла ее.

Тристан тяжело вздохнул и отошел к окну. Услышав очередной жалобный крик Анны, он начал молиться.

Впервые за всю жизнь.

Глава 7

Октябрь, 1135 г. со дня Разделения

Тристану казалось, что даже на поле боя солдаты не испытывали столько волнения и страха, сколько пережил он, в течение нескольких часов слушая беспрестанные крики и плач Джоанны. Весть о кончине Рэндалла отошла на второй план. Его ничто больше не волновало, кроме страданий любимой.

Слуги притащили в коридор два кресла, чтобы они с Уиллом могли сесть, но оба продолжали мерить шагами расстояние от двери Анны до лестницы.

Когда из комнаты донесся очередной душераздирающий крик, Уилл всхлипнул и, прильнув лбом к стене, начал бить по ней кулаком.

– Чего ты здесь сопли распускаешь? – раздраженно рявкнул Тристан. – Иди к ней и будь рядом!

– Не положено ведь... По обычаю, мужчине нельзя присутствовать при родах жены...

Желание избить младшего брата с каждым проведенным в замке часом становилось все сильнее. Тристан поднялся с места и схватил Уилла за шкирку, потащив его к двери.

– Плевать бы я хотел на обычаи, если бы моя жена мучилась из-за родов. Ты нужен ей там. И не смей ныть при ней! – Тристан распахнул дверь и насильно затолкал в покои Уилла.

Он хотел увидеть Анну хотя бы на секунду, но ему помешала ширма, загораживающая кровать. Тристан закрыл дверь и устало привалился к стене. Выпитое вино и бурная ночь без сна давали о себе знать, и он с трудом терпел ужасную головную боль и тошноту. Крики Анны становились все громче и болезненнее, и ему казалось, что прошла целая вечность, прежде чем комнату огласил детский плач.

«Все закончилось, – с облегчением подумал Тристан. – Ее мучения закончились».

Спустя несколько минут из покоев вышел взъерошенный Уилл. Его лицо было бледнее полотна, а взгляд такой напуганный, будто на его глазах только что расчленили живого человека.

– Как леди Джоанна? – нетерпеливо спросил Тристан.

– Там... так много крови... и запах, и ребенок... – Уилл нес какую-то несвязную чушь, и Тристан тихо выругался.

«Много крови – это ведь нормально при родах?» – мысленно задался он вопросом, когда из покоев вышла повитуха с белым свертком в руках.

– Поздравляю с рождением наследника, Ваше Высочество! – тихо сказала она, и Уилл неумело взял его на руки.

Тристан только сейчас осознал, что даже не поинтересовался у брата, кто родился.

Значит, мальчик.

– Как себя чувствует леди Джоанна? – спросил он повитуху таким равнодушным тоном, словно вел беседу о погоде.

Женщина бросила на него напряженный взгляд. Ее передник был весь в крови, как будто она не роды принимала, а резала скот, и у Тристана появилось нехорошее предчувствие.

– Она хочет поговорить с вами наедине, Ваше Высочество.

– Со мной? – удивленно переспросил Тристан, чувствуя на себе взгляд Уилла.

– Да, с Вами, принц Тристан.

Тристан с колотящимся от волнения сердцем переступил через порог комнаты, и в нос ударил едкий запах пота и крови. Каждый шаг отдавался в груди свинцовой тяжестью. Когда он обошел ширму, его горло сдавил спазм.

Анна лежала на постели, укрытая чистым одеялом. Ее живот стал непривычно плоским, а ее лицо... Она выглядела как восковая кукла с зеленовато-желтой кожей и почти белыми губами, искусанными в кровь.

– Анна, – с болью прошептал он.

– Тристан... – Ее голос был слабее шелеста листвы.

Он на негнущихся ногах подошел к ней и отодвинул одеяло, чтобы сесть на кровать. Но то, что открылось его взору, повергло Тристана в ужас.

Вся простыня была испачкана кровью.

У него ушло несколько секунд, чтобы совладать с эмоциями и не показывать Анне страха за нее. Он осторожно присел на край кровати, стараясь не потревожить ее.

– Как ты себя чувствуешь? Без огромного живота ты выглядишь гораздо лучше, – сказал он в привычной язвительной манере, давясь собственными слезами.

– Чувствую... облегчение... – с трудом проговорила Анна.

– Я рад, что все закончилось. Ты родила настоящего воина, повитуха вынесла Уиллу такой огромный сверток. Я подумал, что там теленок, а не человеческий младенец.

Тристан сжал ледяную ладонь Анны, и она едва ощутимо стиснула его руку в ответ. Ему хотелось рыдать от осознания происходящего, но он отказывался в это верить. Чувствовал, как отчаяние и обреченность заполняют все пространство комнаты, лишая его кислорода.

– Ты был прав тогда...

– Насчет чего?

– Помнишь, ты говорил... – Анна тяжело сглотнула и закрыла глаза. Ее веки были воспаленными и красными. – Говорил, что я забуду про все муки, когда рожу ребенка и обязательно его полюблю. Так и случилось.

– Ну вот видишь, а ты переживала, что будешь ужасной матерью.

Ее губы тронула еле заметная улыбка.

– Он такой хорошенький.

Тристан отвернулся к окну, чтобы собрать остатки воли и самообладания и не расклетиться перед Анной.

– Это все потому, что он похож на тебя, – без тени стыда соврал Тристан. – Будь он похож на моего братца, был бы отвратительным, вечно плачущим, капризным младенцем.

Она усмехнулась. Вернее, еле слышно вздохнула, приподняв уголок губ.

– Ты его видел?

– Да, – снова соврал Тристан. – Твой сын очарователен.

Анна пристально посмотрела на него, и Тристану на мгновение показалось, что на него смотрит Рэндалл. Воспоминание о сводном брате отозвалось болью в груди.

– Позаботься о них, Тристан...

– Что?..

– Позаботься о них... о Уилле и маленьком Рэндалле. Уилл... он не справится с горем в одиночку, прошу, будь рядом.

Тристан упрямо покачал головой, сильнее сжимая ее руку.

– Анна, что ты такое говоришь?

По ее щекам покатились слезы, и она судорожно всхлипнула.

Тристан придвинулся ближе и прижался губами к ее щеке, стирая соленую влагу.

– Анна, крепись, ты обязательно пойдешь на поправку, вот увидишь.

Она покачала головой. Ее кожа была холодной и липкой от пота, но Тристан продолжал покрывать ее щеки и лоб нежными поцелуями, пытаясь насытиться приятным теплом, которое покидало ее тело с каждой секундой.

– Ты обещаешь мне, Тристан? – спросила Анна еще тише.

Он немного отстранился и обхватил ее лицо ладонями.

– Анна, пожалуйста, не надо.

– Обещай...

Тристан с трудом проглотил слезы и тихо ответил:

– Обещаю.

– Помнишь ту ночь в саду перед свадьбой?

– Помню. – У Тристана даже не хватало сил строить длинные предложения, а горло жгло от подступивших слез.

– Я просила тебя не прятать от людей красоту своей души... Обещай мне, что найдешь в себе силы справиться. Ты сможешь, ты сильный.

Тристан покачал головой, прикусив щеку. Ни черта он не сильный. Он готов был сейчас разрыдаться как малое дитя.

– Умоляю, обещай!

Еще больше слез покатилося из ее глаз.

– Хорошо, обещаю.

Анна с облегчением вздохнула и прикрыла глаза. На короткий миг Тристану показалось, что ей стало лучше, но потом она приподняла трясущуюся как при лихорадке руку, и он понял, что это была лишь его иллюзия. Она потянула за цепочку на шее и выудила из-под сорочки медальон. Тот самый медальон с выгравированными на нем ландышами, который он подарил ей на свадьбу.

– Пусть это останется у тебя в память обо мне. – Анна вложила медальон в его руку.

– Надеюсь, там не портрет Уилла? – спросил он, выдавив из себя ухмылку.

Она тоже слегка улыбнулась.

– Нет, посмотри.

Тристан открыл медальон и судорожно всхлипнул.

Засушенный бутон ландыша. Негласный символ их запретной любви.

Эта была последняя капля.

Он снова наклонился к Анне и прикоснулся к ее губам в трепетном, едва чувственном поцелуе.

– Я люблю тебя, Джоанна.

– И я тебя люблю, – ответила она дрожащим от слез голосом. – Береги себя.

Тристан больше не мог сдерживаться, и одинокая слеза спустилась по его щеке.

– Не оставляй меня, Анна, умоляю.

– Так надо... – Она коснулась нежными пальцами его волос. – Позови Уилла, я должна попрощаться.

Тристану казалось, что над его головой был занесен меч и уже совсем скоро холодная сталь обрушится на шею. Он поцеловал Анну еще раз и, не оборачиваясь, направился к выходу. Перед дверью он вытер слезы и поправил растрепавшиеся волосы.

В коридоре толпились слуги и несколько советников Уилла. Сам Уилл сидел в кресле и неловко баюкал в руках младенца.

Даже не взглянув на отвратительно белый сверток, Тристан обратился к брату:

– Уилл, тебя ждет Анна.

Уилл восторженно и взглядом попросил служанку забрать ребенка.

– Как она? Зачем она тебя звала? – сыпал он вопросами, поднимаясь с кресла.

– Иди же! – прикрикнул Тристан и устало рухнул в освободившееся кресло.

Он неподвижно просидел около пятнадцати минут, сжимая в руках медальон, прежде чем услышал оглушительный вопль, будто кто-то подстрелил дикого зверя. Осознание затопило его беспросветной тьмой и горем. Ему хотелось сбежать, прыгнуть с крыши или утопиться в море – что угодно, лишь бы не слышать этот вопль и не чувствовать зияющую дыру в сердце, которая образовалась с уходом Анны.

Его светлая, любимая Анна...

Он хотел отправиться за ней на тот свет, но не мог. Он обещал.

Тристан открыл глаза.

Лорды-советники о чем-то перешептывались, стоя у окна, понутив головы, а служанки тихо шмыгали носами и утирали глаза платками. Кэрол, личная служанка Анны, куда-то ушла вместе с ребенком.

Тристан поднялся с кресла и твердой походкой двинулся в комнату.

Уилл продолжал истошно кричать, стоя на коленях перед кроватью Анны и сжимая ее руку.

В первую секунду Тристану хотелось наорать на брата, сказать, чтобы не сжимал хрупкое запястье так сильно, ведь Анне будет больно. Но потом он понял, что она больше не чувствует боли.

Она ушла.

Тристан подошел к кровати и заставил себя посмотреть на Анну. Она лежала, чуть склонив голову набок и положив свободную руку на плоский живот поверх одеяла. Ее неподвижные глаза были устремлены сквозь окно на синеву неба. Ему казалось, что она вот-вот моргнет, повернется к нему, одарив ласковой, теплой как весеннее солнце улыбкой, и скажет, что с ней все хорошо. Но Анна продолжала смотреть в небо, а ее взгляд становился все более пустым и холодным, будто последние крупницы ее светлой души покидали бренное тело.

Слегка подрагивающей рукой Тристан закрыл ее глаза, после чего подошел к рыдающему Уиллу и опустился перед ним на корточки. Он аккуратно высвободил хладеющую руку Анны и прижал его голову к своему плечу, крепко обняв.

– Крепись, брат, ты должен быть сильным ради нее и вашего сына.

Глава 8

Октябрь, 1135 г. со дня Разделения

Следующие три дня пролетели для Авроры словно в тумане.

Она почти не помнила тот день, когда получила известия. Тина потом рассказала, что она исцарапала лицо Томасу, дралась со служанками, которые пытались ее утихомирить, пока не пришел Закария и не усыпил ее иглой. Когда пришла в себя, ее опоили дурманящим снадобьем, и она проспала до следующего утра.

На второй день Аврора плакала. Без остановки, до хрипоты в горле, до жжения в глазах и жуткой головной боли. Она ничего не ела и не пила, не ходила к Райнеру и просто желала умереть. У нее даже проскальзывала мысль выпрыгнуть из окна.

«Связанные ритуалом единения души находят друг друга даже после смерти», – вспомнила она слова жены Нила.

Всего несколько секунд боли, и она бы снова увидела любимые серые глаза.

Но совершить задуманное ей не удалось, потому что Закария не покидал ее покоев. За все то время, что она давилась рыданиями, он не проронил ни слова и ни разу не отвел от нее мрачного, сосредоточенного взгляда.

На третий день к ней пришла Тина и сказала, что Райнер полдня плакал от голода, но отказывался брать грудь кормилицы. Тогда к Авроре вернулась крупица здравомыслия и уничижающее чувство вины. Убиваясь собственным горем, она совсем забыла про сына. А ведь обещала Рэндаллу заботиться о нем.

Остаток дня она провела с сыном. Прикосновение пухлых ручек и молочный запах темноволосой макушки приносили Авроре толику утешения. Она ворковала над малышом, обнимала, ласкала его и тихо плакала от ощущения зияющей пустоты в сердце.

Сегодняшним утром она получила весть о смерти Анны.

Томас принес ей записку, что вечером в Вайтхолл придут Уилл и Тристан с телом Анны – она хотела, чтобы ее похоронили на семейном кладбище Корвинов.

Аврора даже не заплакала. Но не потому, что не скорбела по Анне. Эта новость окончательно добила ее, сломала в ней что-то важное.

– Нужно подготовиться к похоронам, – охрипшим голосом сказала Аврора Алистеру Грею, когда он пришел к ней.

Они сидели в кабинете Рэндалла, и Аврора не отрывала взгляда от чашки чая. Она боялась даже поднимать глаза, потому что все здесь напоминало ей о Рэндалле. Каждый уголок был пропитан воспоминаниями о том, как им хорошо было вместе.

– Подготовка началась в день получения скорбной вести, Ваша Светлость. Мы отправили гонцов в Фортис. К завтрашнему дню в замок придут король Алан с женой и сыновьями.

– Хорошо. – Аврора усилием воли заставила себя сделать глоток чая. Тина сказала ей, что если она продолжит голодать, то у нее пропадет молоко. – Надо подобрать платье для Анны. Она любит персиковый цвет.

– И платье, и гробы уже готовы. – Алистер говорил ровным спокойным тоном, но по залегшим под глазами теням было видно, как он устал за последние дни. Рэндалл и Анна росли на его глазах, поэтому их уход подкосил и его.

Аврора пересилила себя и подняла взгляд на Алистера.

– Гробы?

– Да, Ваша Светлость. Будут двойные похороны.

– Лорд Грей, я не понимаю, о чем вы говорите. Какие двойные похороны?

– Так принято в Ардене. – Алистер прочистил горло. – Если тела погибшего нет, в гроб кладут вещи, напоминавшие о нем, – своеобразная церемония прощания.

Аврора не смогла сдержать истерический смешок.

– Вы что, шутите? Вы собираетесь хоронить пустой гроб и выдать это за похороны Рэндалла? – Терпение дало трещину, и она сорвалась на крик: – Тело моего мужа забрало море! Я не позволю устраивать представление для знати!

– Ваша Светлость, успокойтесь, это обычаи народа вашего мужа, и вы должны позволить близким попрощаться с ним.

– Меня не волнуют обычаи! Похороны – это проводы погибшего в последний путь. Они дают возможность упокоить душу, схоронив брренное тело. Тело моего мужа уже упокоено в морской пучине, а то, что вы собираетесь делать, – просто фарс! Спектакль для лицемеров, вроде отца Рэндалла, которые будут лить лживые слезы над пустым гробом, не имеющим никакого отношения к Рэндаллу. Я запрещаю!

– Ваша Светлость...

– Я сказала, нет!

Алистер Грей стиснул челюсть и выпрямил спину. Он уже собирался что-то сказать, но его прервал тихий скрипучий голос.

Закария, все это время стоявший в углу безмолвной тени, подошел к столу.

– Лорд Алистер, позвольте поговорить с госпожой наедине?

Аврора думала, что Алистер прогонит прочь обнаглевшего солдата, но тот лишь поджал губы и, коротко кивнув, покинул кабинет. Аврора поднялась с кресла.

– Спасибо, что избавил меня от него, – бросила она адепту, направившись к двери. Ей хотелось скорее уйти отсюда, чтобы больше не чувствовать отголоски знакомого запаха скошенной травы и лесных ягод.

Закария грубо перехватил ее за локоть и поволок обратно к креслу.

– Сядьте!

– Что ты себе позволяешь? – возмутилась Аврора и хотела было ударить его свободной рукой, но в ту же секунду, будто предугадав ее действия, адепт перехватил ее запястье и отбросил, да так сильно, что у нее хрустнуло плечо.

Закария силой усадил ее в кресло и подвинул стоявший у стены стул, чтобы сесть напротив. Между их лицами оставалось всего несколько сантиметров. Аврора даже разглядела в его зеленых глазах странно мерцающие светлые крапинки. Рэндалл как-то упоминал, что это побочный эффект от зелий, которые пили служители Ордена теней.

– Ты в своем уме, Закария? – злобно прошептала Аврора.

– Я да, а вот вы – нет, – ответил он с небольшим акцентом, немного вытягивая гласные звуки.

– Объяснись!

Закария наклонился к Авроре еще ближе, и она почувствовала легкий аромат крыжовника, кожаных доспехов и мужского пота.

– Вы ведь знаете, в каких отношениях сейчас находятся Арден и Юг?

– Знаю.

– Княжна, ваш муж в глазах южан был рычагом для контроля над Арденом, а в глазах арденийцев – символом будущего восстания. Но и те, и другие уважали его, признавали сильным правителем. А все потому, что он был воспитанником самого Райнера Корвина.

За все время пребывания в замке Аврора не слышала столько слов от Закарии, сколько услышала сейчас.

– К чему ты ведешь, Закария?

– У вашего сына очень шаткие позиции. К тому же у него есть конкурент. Рэндалл, сын Джоанны – последней из рода Корвин. И если вы продолжите вести себя, как взбалмошное дитя, лишь усугубите положение Райнера, – сказал он. – Вы должны стать мудрее, обзавестись союзниками, наладить отношения со знатью Ардена, быть хитрее с королевской семьей Юга,

завоевать любовь и преданность простого народа. Сейчас только от вас зависит, какие позиции будут у будущего Хранителя Ардена – Райнера Вейланда. А если продолжите дерзить приближенным принца Рэндалла, которым он безоговорочно доверял, вы поставите под угрозу не только титул, но и жизнь сына.

Каждое слово адепта вонзалось в ее грудь стальной иглой. Это отрезвило ее.

Закария прав. У Райнера никого не осталось, кроме нее. А у нее не было ни капли силы или власти.

– Полагаю, я должна извиниться перед Алистером и позволить похороны Рэндалла? – осведомилась она, борясь с внутренними терзаниями.

Закария одобрительно кивнул и встал со стула.

– Вы быстро учитесь.

– Слуги говорят, что ты грубый, дерзкий и совершенно не умеешь ладить с людьми. Но при этом даешь весьма ценные советы.

Когда Аврора обратилась к нему, Закария уже стоял у двери. Он обернулся и едва заметно приподнял уголок рта.

– Я всего лишь солдат, княжна Аврора, и мне нечего терять. Поэтому я веду себя с окружающими так, как хочу. Вы же – вдова Хранителя Ардена. Вам такая роскошь недоступна.

Аврора последовала совету Закарии: она извинилась перед лордом Греем и дала «добро» на двойные похороны.

На следующий день все собрались на фамильном кладбище Корвинов, которое находилось на холме недалеко от замка. Небо было затянуто низкими серыми тучами, а с моря дул прохладный ветер. Здесь собрался весь цвет знати Ардена и Юга. Они обступили две свежевырытые могилы, возле которых ожидали своего часа два гроба: один маленький из светлого дерева, а второй более массивный, окрашенный черной краской, – пустой. По правую сторону стояли люди из Южного королевства – семья Вейланд и южные лорды, которых Аврора не знала.

Слева находились арденийцы. И знакомых лиц было гораздо больше.

Прибыли все советники Рэндалла, включая семью Алистера Грея в полном составе. Приехала даже Вайолет, которая полгода назад вышла замуж. При встрече она крепко обняла Аврору и выразила соболезнования. Авроре показалось, что она была искренна. На церемонию также прибыла делегация из Деревни Предков во главе с Нилом. Была здесь и Мелита вместе с родителями и новоиспеченным мужем – молодым красивым юношей из знатной семьи Аэрана.

Аврора, как и полагалось по обычаям арденийской жене, стояла рядом с гробом мужа, положив на него руку и повернувшись лицом к участникам процессии. В такой же позе находился и Уилл, который, не переставая, наглаживал крышку гроба Анны.

Когда он только приехал, Аврора ужаснулась его внешнему виду. Всегда холеный, красивый и улыбающийся, Уилл превратился в неказистую тень себя прошлого. Бледный, похулевший, с осунувшимся лицом и потухшим взглядом воспаленных, покрасневших от нескончаемых слез глаз, он напоминал живого мертвеца. Словно с уходом Анны умерла и часть его.

Аврора, вероятно, выглядела не лучше: она не смотрелась в зеркало с того самого дня, и на похороны ее полностью одела и собрала Тина.

Похоронную церемонию открыла бабушка Гретта, которая несколько минут говорила о том, какая это огромная утрата для ее семьи и всего Ардена – гибель сразу двоих детей из рода Корвин. В любое другое время Аврора бы задалась вопросом, как эта древняя старушка вообще добралась сюда из Деревни, но сейчас ее это не волновало.

Следом за ней слово взял король Алан. Аврора думала, что он устроит очередной спектакль, демонстрируя лживые слезы, но, к своей чести, Алан был немногословен. Он лишь промолвил, что его младший сын был воплощением мужества, стойкости, справедливости и мудрости и он жалел, что никогда не говорил ему этого лично.

После прощальную речь произносили братья Рэндалла, но Аврора ничего не слышала. Она смотрела безучастным взглядом на крышку гроба, чувствуя, как разрастается зияющая рана в сердце и начинает гноиться.

Когда очередь дошла до Уилла, он едва ли смог связать двух слов и снова расплакался. Он мямлил что-то о том, как любил Анну, как дорожил Рэндаллом, и люди начали перешептываться друг с другом.

Тогда из толпы выступил Тристан. Он выглядел собранным, сосредоточенным, и Авроре было непривычно видеть его в черном, наглухо застегнутом сюртуке с убранными в тугой пучок волосами и без привычной хитрой ухмылки на красивых губах. О прежнем Тристане напоминала лишь серьга в виде кинжала с блестящим бриллиантом на рукоятке. Он встал между Авророй и Уиллом и положил руку брату на плечо. Уилл с трудом собрался и закончил свою речь, а затем все взгляды присутствующих устремились на Аврору.

Настала ее очередь.

Она не заговорила. Даже не задумывалась над этим, а сейчас стояла и беззвучно шевелила губами, отрешенно подметив, насколько ее ладонь была бледной на фоне покрытого черной краской дерева. От крышки гроба исходил ужасный холод, и ей все время хотелось отдернуть руку. Аврора слышала гул в ушах, чувствовала, как грудь сдавливает нарастающая паника.

«Там нет Рэндалла... Рэндалла больше нет. Он оставил меня... ушел... Там нет Рэндалла... Там пусто, темно и холодно», – бессвязные мысли крутились в ее голове, мешая сосредоточиться.

Глаза заволокли слезы мутной пеленой. Она должна быть сильной. Ради Райнера. Но сейчас Аврора была в шаге от того, чтобы закатить истерику, накричать на всех, прогнать их и разрушить этот отвратительный, уродливый гроб, в котором было так же пусто, как и в ее сердце. Гнев, скорбь, отчаяние захлестнули ее, готовые вот-вот вырваться наружу.

Внезапно она почувствовала тепло. Большая, горячая ладонь сжала ее левую руку.

– Соберись, – тихий шепот коснулся ее уха, и воздух вокруг нее наполнился ароматом горькой вишни и вина.

Аврора глубоко вздохнула и на несколько секунд зажмурила глаза.

– Я благодарю всех присутствующих, что вы пришли почтить память дорогих моему сердцу людей и проводить их в последний путь, – заговорила Аврора и почувствовала, как Тристан в приободряющем жесте сжал ее руку крепче. – С первых дней знакомства Анна стала для меня настоящей сестрой. Она была воплощением нежности, доброты и мудрости, своим светом была способна затмить само солнце. Мне будет не хватать ее звонкого смеха и ласковой улыбки...

Аврора затихла, чтобы собраться с мыслями, – она должна была сказать несколько слов о Рэндалле. Что можно сказать этим людям о самом прекрасном на свете человеке? Что он спас ее из пучины отчаяния и ненависти к себе? Что защитил ее от собственной семьи, сокрыв совершенное ей преступление? Что не отвернулся от нее, когда она считала себя грязной, опороченной и недостойной его любви, и исцелил все душевные раны?

Нет... Это было только ее. Она не могла, *не хотела* делиться этим ни с кем другим.

– Рэндалл... – Его имя эхом разнеслось по старинному кладбищу, отчего у Авроры запершило в горле. – Сегодня было много сказано о его справедливости, праведности и мудрости. Но для меня Рэндалл был простым добрым юношей с чистым сердцем. Он стал для меня самым родным и близким человеком. И я никогда его не забуду, потому что он... он был моей душой.

А теперь его нет... – Аврора всхлипнула, ощущая подступающую к горлу желчь от слов, которые она говорить вовсе не хотела, но была должна. – Я горжусь, что стала частью семей Вейланд и Корвин, и постараюсь воспитать нашего с Рэндаллом сына так, чтобы он стал достойным преемником своего отца, унаследовав от двух великих домов только лучшие качества.

Аврора посмотрела на пустой гроб, закрыла глаза, воссоздавая в уме образ любимого, и совсем тихо прошептала:

– Я люблю тебя, *душа моя*. Покойся с миром.

После церемонии похорон состоялся поминальный обед, на котором присутствовали ближайшие родственники Рэндалла с обеих сторон. Будь Рэндалл здесь, он бы очень позабавился, наблюдая за тем, как две семьи давились ненавистью друг к другу, пряча ее за учтивыми улыбками.

– Лорд Грей, – внезапно обратился Артур к Алистеру, пока все остальные поглощали десерт в гробовой тишине. – Вы были главным советником лорда Корвина на протяжении многих лет, а потом верно служили моему младшему брату.

– Верно, Ваше Высочество, – холодно, но вежливо отозвался Алистер.

– Я надеюсь, вы будете так же верны новому Хранителю Ардена, когда на это место найдется достойный человек.

Все это время погруженная в собственные мысли, Аврора подняла голову.

Напротив нее сидели Уилл и Тристан, и эти двое словно поменялись местами. Перед Тристаном находилась лишь тарелка с нетронутым десертом, но привычного бокала в руке Аврора не обнаружила. Зато без дела виночерпия сегодня не оставил Уилл. Рядом с ним стояла наполовину опустошенная чаша, а сам он уже порядком захмелел, о чем свидетельствовал яркий румянец на щеках, выглядевший очень болезненно на посеревшем лице.

Однако Аврору меньше всего волновали странные метаморфозы братьев. В отличие от слов Артура.

– У Ардена уже есть Хранитель. Райнер, сын Рэндалла, – сухо ответил Нил, единственный из присутствующих, кто не пытался скрыть своего презрения к семейству Вейланд.

– Да, никто этого не отрицает, упаси Всевышний. Мы соблюдаем условия мирного договора, – сказал Артур с явной издевкой. – Но Райнер всего лишь младенец. Пока он не подрастет, регентом должен быть другой. Новый муж Авроры...

Не справившись с охватившим ее волнением, Аврора выронила вилку, и та с оглушительным звоном упала на тарелку.

Все взгляды обратились на нее.

– Что? – только и сумела выдавить она.

– Артур, сейчас не время для подобных разговоров, – вмешался Арон и ободряюще кивнул Авроре. – Наша невестка только потеряла мужа, а ты уже заводишь речь о новом замужестве.

– Я забочусь о благополучии Ардена. Это не только в интересах самих арденийцев. – От ледяной улыбки кронпринца похолодел даже воздух. – Никто не заставляет нашу невестку выходить замуж прямо сейчас. Но лучше заранее присмотреться к потенциальным женихам и сделать правильный выбор.

Авроре казалось, что ее стошнит.

Она знала обычаи. Похожие были и на Севере. Если женщина повторно не выходила замуж за члена семьи покойного мужа, ее отправляли домой, а ребенок же оставался в доме своего отца. Если она не выйдет замуж за родственника Рэндалла, ее разлучат с Райнером.

Ей хотелось убежать, хотелось плакать и кричать от бессилия, разгромить всю посуду и выгнать их всех прочь.

– Сколько у меня времени? – сухим, лишенным всяких эмоций голосом спросила Аврора.

– Траур у жен южан длится полгода. За это время вы сможете познакомиться с ближайшими родственниками Рэндалла до четвертого колена. – Артур говорил таким будничным тоном, словно предлагал ей выбрать новое платье. – Не переживайте, княжна, мужчин в роду Вейланд очень много, и вы сможете найти достойного претендента.

– Вейланд? – подала голос бабушка Гретта впервые за время ужина. – А ты ничего не путаешь, парень? У Рэндалла есть родственники и по линии Корвин. Скажем, сын Нила вполне подходит Авроре по возрасту.

Обстановка в трапезной накалилась.

Жены Арона и Калеба зашушукались между собой. Сэмми, сын Нила, бросил взгляд на Аврору и тут же покраснел, как вареный рак. Королева Мари, безмолвной тенью сидевшая рядом с мужем, отложила вилку и пронзила бабушку Гретту сердитым взглядом. А король Алан продолжал молча есть сладкий пирог, словно его этот разговор вовсе не касался.

– Обожаю семейные посиделки. Все такие душки, – проворчал Тристан, вырвал бокал из рук уже в стельку пьяного Уилла, сделал глоток и вернул обратно.

– Во-первых, – презрительным тоном начал побледневший от гнева Артур, – как вы смее так обращаться ко мне, кронпринцу Южного королевства? Только из уважения к вашему возрасту я прощаю эту грубость. А во-вторых, прямых потомков семьи Корвин среди родственников Рэндалла нет. Посему Аврора должна выбрать мужа из семьи Вейланд. Он не станет претендовать на место Хранителя Ардена, как и их будущие с Авророй дети. Лишь регентствовать до совершеннолетия Райнера.

– Законом нигде не прописано, что Аврора должна выйти замуж именно за Вейланда, – отчеканил Нил, и сидящий рядом с ним Сэм покраснел еще сильнее.

– Законы можно изменить, – ехидно улыбнулся Артур.

Аврора предчувствовала, что сейчас может разразиться настоящая буря, но внезапно, впервые за вечер, голос подал Алан:

– Артур! – рявкнул он, оторвав взгляд от тарелки, и Аврора изумилась от увиденного. Его глаза были... заплаканными? – Имей совесть и прояви уважение к моему младшему сыну. Мы собрались здесь, чтобы почтить его память, а не для решения политических вопросов. У Авроры есть целых полгода, и этот разговор может подождать.

Остаток ужина прошел в безмолвии.

Когда все начали расходиться, Аврора намеренно обошла стол так, чтобы оказаться рядом с Тристаном.

– Сейчас. Библиотека. Нужно поговорить, – коротко прошептала она и вышла из трапезной, пока ее никто не окликнул.

Аврора хотела сбежать, спрятаться где-нибудь в укромном уголке, чтобы никто больше не смел допекать ее. Но еще в тот роковой день в лесу она поняла, что побег не решит проблему. Она больше не маленькая девочка, которая могла найти защиту в надежных объятиях любимого. Его больше не было, а она осталась совершенно одна. И должна была позаботиться о будущем своего сына.

– И зачем ты позвала меня? – поинтересовался Тристан, как только переступил порог библиотеки.

Он выглядел измотанным. Под его глазами залегли большие тени, хотя взгляд был ясным.

– Я соболезную тебе, Тристан. – Аврора подошла к нему и крепко обхватила за плечи. Он замер, точно каменное изваяние, а затем расслабился и обнял Аврору в ответ.

Он положил голову ей на плечо и тяжело вздохнул.

– Я видел ее... в последние минуты...

На короткое мгновение неутрачивающая боль Авроры уступила место сочувствию. Все люди соболезновали ей и Уиллу, жалели только их двоих. Но никто, абсолютно никто, кроме нее, не знал, что вместе с уходом Анны разбилось вдребезги еще одно сердце.

Они простояли так несколько минут, прежде чем Тристан неловко отстранился.

– Спасибо, – тихо сказал он, прочистив горло. – Но ты ведь позвала меня не для того, чтобы выразить сочувствие?

– Не только. Мне надо связаться с Кристин.

– С Кристин? Зачем? – Тристан прошел к ближайшему столу и уселся прямо на него. Он стянул повязку, и густые черные волосы рассыпались по плечам.

– Я знаю, что она руководит гильдией «Черная роза», а мне нужны сведения.

Тристан удивленно выгнул бровь.

– Какие?

– Полная информация о всех кандидатах в мужья со стороны Вейланд. Я должна выбрать из них самого подходящего.

– Аврора, ты ведь понимаешь, что последнее слово будет за Аланом? Твое мнение не имеет значения, – произнес Тристан. – И, спешу тебя огорчить, сестрица, среди Вейландов не осталось благородных, честных и праведных мужчин, каким был твой муж...

– Я знаю, что у меня нет никаких прав и власти на Юге, – оборвала его Аврора. – Знаю, что король не позволит мне выйти замуж за одного из Корвинов, а это значит, что я сама должна предложить ему кандидатуру из Вейландов и убедить его благословить этот брак. – Аврора сделала шаг к Тристану. – И мне не нужен честный и праведный. Мне нужен тот, кем легко манипулировать, кого обманом и подкупом я смогу переманить на свою сторону. Кто не будет лезть в дела Ардена и передаст бразды правления Алистеру вплоть до совершеннолетия Райнера.

Выражение лица Тристана сильно позабавило бы Аврору, если бы она не сдерживала из последних сил бушующее внутри отчаяние.

– Кто ты такая и куда дела милую, но сумасбродную княжну?

– Я та, кто хочет защитить своего ребенка от козней двух великих домов. – На последних словах голос Авроры все-таки дрогнул.

– Почему ты рассказываешь это мне? Вдруг я пойду сейчас и выдам тебя Артуру?

Аврора не знала, что ответить. Ей просто хотелось довериться хоть кому-нибудь. Она неопределенно пожала плечами.

Тристан тяжело вздохнул и провел рукой по волосам, зачесывая их назад. Этот жест до боли напоминал ей Рэндалла, который точно так же убирал непокорные пряди со лба.

– Я ничего не расскажу Артуру, обещаю. И передам твое задание Кристин. Но впредь запомни мой урок, Аврора, не доверяй всем подряд.

– А тебе? Тебе я могу доверять? – спросила Аврора и в ожидании закусила губу.

Тристан сверлил ее тяжелым взглядом, в котором томила беспроглядная, густая тьма. Тут его губы впервые за весь день тронула тень ухмылки.

– Можешь. Но не настолько, чтобы выбрать меня в качестве своего мужа, что, кстати, папенька воспринял бы с большим энтузиазмом. Я пусть и хороший любовник, но характер имею прескверный и могу сожрать и Алистера, и Нила, и тебя вместо завтрака.

Аврора неуверенно усмехнулась. Она не знала, где этот мужчина находил силы, чтобы шутить. Возможно, с годами она тоже обрастет толстой броней и научится справляться с собственным горем. Но сейчас оно душило ее изнутри.

Когда она наконец-то добралась до своих покоев и осталась одна, боль выплеснулась наружу, и Аврора, свернувшись в комочек в обнимку с рубашкой Рэндалла, разрыдалась как малое дитя.

Глава 9

Октябрь, 1135 г. со дня Разделения

Уилл никогда в жизни так сильно не напивался. Перед глазами все кружилось, будто он раскачивался на больших качелях. Он с трудом переставлял ноги и ковылял по темному коридору, придерживаясь за стену.

Ему хотелось забыться после похорон, утопить свое горе и не думать о смерти Анны хотя бы пять минут. Но даже во хмелю он не переставал вспоминать ее. Стоило только закрыть глаза, как в сознании всплывал образ бледной Анны, лежащей на окровавленных простынях и глядящей в окно пустым остекленевшим взглядом.

Наконец Уилл добрался до покоев и толкнул дверь. Вот только он оказался не в своей комнате, а в зале заседаний Совета. Покачиваясь, как соломинка на ветру, он прошел к массивному столу с закругленными углами и сел на него. Его взгляд упал на картины. Множество портретов, на которых были изображены мужчины из рода Корвин. Он не хотел этого делать, но глаза сами собой отыскивали в полумраке изображение с до боли знакомым лицом. Хоть он и был Вейландом, арденийцы все равно считали его Корвином.

На портрете художник запечатлел совсем еще юного Рэндалла. Здесь ему было лет пятнадцать. Его лицо еще не утратило детскую нежность, а в глазах еще не было присущего взрослому Рэндаллу равнодушия и надменности.

Уилл помнил его таким, очень хорошо помнил.

Восемь лет назад...

Уилл шагал по одному из коридоров Голдкасла, насвистывая незатейливую мелодию. События последних часов не выходили из головы, и он едва сопротивлялся желанию вернуться в город и все повторить. Его сердце заполняло странное чувство гордости – какой-то полноценности и важности. Он это сделал!

Миновав последний поворот, Уилл толкнул ногой массивную дверь, и та отворилась с ужасным скрипом.

В библиотеке было темно, но в углу, у залитого лунным светом окна, на небольшом столике горела одинокая масляная лампа.

– Так и думал, что ты здесь пропадаешь, – сказал Уилл, подходя к брату. – Я искал тебя в твоих покоях.

Рэндалл сосредоточенно изучал пергамент и сверял написанное с текстом в раскрытой книге. Кивнув собственным мыслям, он закрыл книгу, вытащил из высоченной стопки другой фолиант и начал искать нужный параграф.

– Ну а ты где пропадал? – поинтересовался Рэндалл, не отрывая взгляда от книги и продолжая водить длинным пальцем по пожелтевшей странице с выцветшим от времени текстом.

Уилл всегда удивлялся, как Рэндаллу удается с такой легкостью разговаривать, читать и писать одновременно и ничего в своей голове не перепутать.

– Я был в городе. Ходил на свидание с Хеленой. Помнишь, я тебе про нее рассказывал?

– Дочь башмачника?

– Нет, то была Бриана, а это молодая вдова, что работает в пекарне на Ткацком переулке.

– И как прошло свидание? – Рэндалл улыбнулся уголками губ и принялся аккуратным почерком записывать нужный отрывок из книги.

Уилл занял стул рядом с братом и, не в силах сдержать самодовольную улыбку, заговорщическим тоном сказал:

– У меня сегодня было!

Рэндалл продолжал писать как ни в чем не бывало, но в следующую секунду замер. Уилл хотел было обрадоваться произведенному эффекту, однако заминка Рэндалла была вызвана отнюдь не удивлением. Он снова заглянул в учебник и сверил текст с написанным.

– Что было? – спросил он, вспомнив о присутствии Уилла.

– Ну то самое... с девушкой!

– А-а-а. – Рэндалл понимающе кивнул и наконец-то оторвался от писанины. – Ну и как прошло?

Уилл нахохлился от гордости. Он знал, что Рэндалл еще был невинным – даже ни с кем не целовался. Уилл опередил его. Хотя в чем-то обошел своего младшего брата.

– В общем, сначала мы выпили немного вина, а потом начали целоваться, да так страстно, что она мигом распалилась и взяла меня за...

– Уилл, – оборвал его увлекательный рассказ Рэндалл и нахмурился. – Я не просил таких подробностей, я имел в виду общие впечатления.

– А что такого, если я расскажу тебе все в красках? Так ведь интересней! – недоуменно проворчал Уилл.

Рэндалл устало потер шею.

– Это неправильно, Уилл. Вряд ли той девушке было бы приятно узнать, что ты рассказываешь о вашей ночи.

Уилл закатил глаза.

– Рэндалл, своим занудством и праведностью ты лишишься девственности только в первую брачную ночь.

– И что в этом плохого?

– Все, Рэндалл! – Уилл встал и возмущенно взмахнул руками. – Представь: ты девственник, жена девственница, не зная что и как делать, ты не то что удовольствия ей не принесешь, ты даже можешь навредить ей.

Рэндалл задумчиво потер переносицу.

– Да, наверное, ты прав.

– Схватываешь на лету, – покровительственным тоном произнес Уилл. – Хочешь, я поговорю с Хеленой, и она найдет тебе подружку для решения этой проблемы?

Рэндалл усмехнулся и, поднявшись из-за стола, начал собирать учебные принадлежности.

– Ну уж нет, спасибо. Личные проблемы я решу как-нибудь сам.

– Как знаешь, но если что, я всегда готов помочь советом, что и как... – Уилл ожидал от брата более бурной реакции, и его немного раздосадовало такое равнодушие.

– Обязательно, Уилл, – мягко отозвался Рэндалл, но Уиллу отчего-то казалось, что в его тоне сквозило превосходство.

– А ты чем тут занимался? – спросил он, желая сменить тему.

– Готовил доклад для учителя Отиса. Завтра урок.

Желудок Уилла неприятно сжался, вызывая приступ тошноты.

– Как? Уже завтра? Проклятие! – Его накрыла паника. – Я же ничего не подготовил. Отец мне голову снесет, он как раз собирался посетить завтрашний урок. Вот черт!

– Уилл.

Тот уже стрелой припустил к книжным полкам и начал в темноте вглядываться в потерянные корешки.

– Рэндалл, ты не знаешь, где отыскать литературу по конфликтам Запада и Востока в пятом столетии?

– Уилл.

– Прости, знаю, ты устал и собираешься идти спать, но не мог бы ты помочь мне отыскать хотя бы пару книг на эту тему? – В голосе Уилла не осталось и следа от прежнего самодовольства, лишь страх вперемишку с мольбой.

– Уилл! – в третий раз позвал Рэндалл, и он наконец-то обернулся. Рэндалл стоял напротив него и держал перед собой свиток пергамента. – Вот твой доклад. Прочитай его несколько раз. Учитель Отис любит задавать каверзные вопросы.

Уилл ошарашенно воззрился на свиток.

– Когда ты успел?

Рэндалл мягко улыбнулся.

– А что я, по-твоему, делал в два часа ночи в библиотеке? Ты же знаешь, что я никогда не затягиваю с подготовкой к занятиям. Я догадывался, что ты задержишься в городе и забудешь про завтрашний урок, и написал доклад за тебя. Не хотел, чтобы отец читал тебе завтра нотации.

– Брат, ты лучший! – Уилл с облегчением выдохнул и заключил Рэндалла в крепкие объятия. – Я у тебя в долгу.

На следующий день учитель Отис восторженно расхваливал королю Алану безупречный доклад Уилла.

– Принц Уилл умудрился даже найти сведения о недолгом правлении династии Ришель. Блестящая работа! – не унимался тот, и Уилл невольно улыбался, совершенно позабыв о том, что это не его заслуга.

– Молодец, Уилл, я тобой очень горжусь! – Отец положил руку ему на плечо и смерил его мягким одобрительным взглядом.

– Принц Рэндалл тоже неплохо постарался. Но его работа гораздо слабее. Слишком мало сведений о конфликте Йоранов и Халрадов.

Уилл внезапно встрепенулся и взглянул на брата. Рэндалл сидел с идеально прямой осанкой, а на его лице застыла непроницаемая маска.

– Простите за оплошность, учитель Отис. В библиотеке нашлось слишком мало сведений о Северном царстве. И большинство из них изложено в форме легенд и мифов. Поэтому работа получилась с пробелами, – ровным тоном ответил принц.

– Снова ненужные оправдания. – Лицо Алана утратило прежнюю мягкость. Его глаза опасно прищурились, а лоб избороздили морщины. Отец всегда смотрел на Рэндалла, как на угрозу. – Твоя работа слабая, умей признать ошибку, это полезно для будущего Хранителя.

– Отец, – неуверенно обратился к нему Уилл. – Я должен признаться...

– В чем?

Он потупил взгляд и неловко заерзал на стуле.

– Рэндалл... он... – Уилл пытался выдавить из себя неудобную правду, но язык отказывался подчиняться ему. – Он помог мне с этим докладом. Без его помощи я бы не справился так успешно. – Ему тут же захотелось сбежать из кабинета, но он продолжал оставаться на месте, не решаясь посмотреть на брата.

Алан покачал головой.

– Уилл, это похвально, что ты пытаешься защитить брата, но он должен учиться нести ответственность за свои ошибки. Верно, Рэндалл?

– Да, отец, я признаю свою оплошность. Но и причины объяснил. – Ни грусти, ни сожаления, ни возмущения. Совершенно лишенный каких-либо эмоций голос.

– Это не причина, Рэндалл. При желании всегда можно добиться блестящих результатов. Бери пример с Уилла. Он выполнил свою работу безукоризненно и получил достойную похвалу от учителя.

Уилл готов был провалиться под стол. Он бросил короткий, стыдливый взгляд на Рэндалла, но тот продолжал взирать на отца, держась, как обычно, хладнокровно и спокойно.

– Сведений по теме доклада Уилла целая секция, отец. Запад и Восток дружны с Югом. Однако Север – закрытое государство и мало контактирует с соседями...

– И снова пустые оправдания, – нетерпеливо оборвал его отец. – Твой дед хоть и обладает прескверным характером, но он блестящий правитель. Боюсь, ты это качество от него не унаследовал. А если и дальше продолжишь упрямяться и искать своей лени оправдания, из тебя не выйдет никого толку.

Рэндалл опустил голову и тихо промолвил:

– Да, отец, ты прав. Извини.

Уилл понимал, что должен набраться смелости и признаться в содеянном. Но он молчал. Ему не хватило духа.

Когда король Алан ушел по окончании урока, Уилл подошел к Рэндаллу, который как ни в чем не бывало собирал вещи в холщовую сумку.

– Рэндалл, прости меня... я должен был... – замямлил он, переминаясь с ноги на ногу.

– Не извиняйся, Уилл. Все в порядке, – с доброй улыбкой ответил брат.

– Но это из-за меня отец...

– Перестань, Уилл, – резко оборвал его Рэндалл. – Учитель Отис сказал, что работа безупречна, а значит, я все делаю правильно. Что касается Алана, в его признании и одобрении я уже давно не нуждаюсь.

Уилл долго смотрел на портрет юного Рэндалла, а по его лицу градом текли слезы.

Он прекрасно знал, что Рэндалл всегда и во всем превосходил его. Он не раз выручал его и спасал из разных передряг. Когда отец назначил Уилла Хранителем Блэкстоуна, Рэндалл приехал к нему на несколько недель и помог освоиться, направляя его, давая мудрые советы.

Будучи младше всего на три месяца, Рэндалл стал для него старшим братом. Таким, каким никогда не были его единоутробные братья. А Уилл всегда принимал это как должное.

Даже жениться на любимой он смог только благодаря Рэндаллу. Если бы не брат, он бы не осмелился перечить отцу. Ненавидя себя и свою будущую невесту, он бы отправился на Север и женился на Авроре. Он бы изменял ей с разными женщинами, мечтая лишь об одной. Но рядом с ним всегда был его верный, любящий брат, который взял все проблемы на себя и решил их.

– Ты знал, – охрипшим голосом обратился Уилл к портрету. – Ты знал, что я ни на что не годен без тебя. Ты знал это. Правда, Рэндалл? – Он встал со стола и нетвердой походкой подошел к стене. – Ну чего же ты молчишь, брат? – спросил он, всхлипнув. – Ты знал, что я не смогу позаботиться об Анне без твоей поддержки. Поэтому и забрал ее!

Уилл уткнулся лбом в полотно портрета, как раз в то место, где было прорисовано плечо Рэндалла.

– Ты был прав. Я не смог... Ты мудро поступил. Ей будет лучше там, с тобой. – Он нервно поглаживал пальцами бледную щеку юного Рэндалла. – Но, пожалуйста, заberi и меня к ней... Я без вас не справлюсь. Неужели я вам совсем не нужен?

Рэндалл не ответил. Он смотрел с портрета спокойным добрым взглядом, молчаливо соглашаясь с его словами.

Глава 10

Октябрь, 1135 г. со дня Разделения

Тина шла по коридору к своей комнате.

День похорон выдался тяжелым. Гнетущая скорбь витала по замку, проникая в каждый уголок, заполняя каждую щель и накрывая траурной вуалью каждое окно. Слуги сновали туда-сюда с печальными лицами, и их грусть была неподдельной. Все они уважали принца Рэндалла и души не чаяли в леди Джоанне. А без них замок будто лишился души и сердца, превратившись в склеп. Даже ее бойкая, всегда веселая и острая на язык соседка по комнате Нора была раздавлена. На ее лице не высохали слезы, а курносый, покрытый веснушками нос покраснел и отекал от безутешных рыданий.

Тина скорбела вместе со всеми. Ей было жаль и принца Рэндалла, и леди Джоанну, но больше всего она переживала за свою госпожу. Княжна Аврора напоминала живого мертвеца. Первые дни Тина думала, что эта весть сломает ее, но с приездом гостей Аврора странным образом переменилась. Она держалась вежливо и учтиво, и Тина с опаской ждала, когда разразится пожар. Но его не случилось, и тогда она поняла, что горе княжну не сломило – оно потушило в ней огонь жизни.

Когда Тина в тяжелых раздумьях проходила мимо зала заседания Совета, она услышала за дверью чей-то голос. Остановившись, она осторожно заглянула за дверь.

Там находился принц Уилл и разговаривал... с портретом.

– Почему ты забрал ее? Почему вы оставили меня одного? – доносился до нее неразборчивый пьяный лепет принца. Он стоял, прислонившись лицом к портрету, и наглаживал полотно.

Ей стало жутко от увиденного и услышанного. Он был явно не в себе. Тина была в замешательстве, она не знала, что делать: подойти ли к принцу, чтобы предложить помощь, или тихонько уйти, пока он ее не заметил.

Поразмыслив несколько секунд, она уже хотела переступить порог зала, как кто-то резко обхватил ее за талию и накрыл рот ладонью. Она испуганно встрепенулась и попыталась было ударить нападавшего локтем в живот, но вдруг почувствовала легкое касание стальной иглы на шее. Острие не вонзилось в плоть – лишь слегка царапнуло кожу, словно приветствуя девушку. Догадавшись, кто стоит позади, Тина расслабилась и облегченно выдохнула.

Он ослабил хватку и, аккуратно взяв ее под локоть, повел по коридору.

– Не стоит тревожить принца. Он пьян и сломлен горем, неизвестно, что он может натворить в таком состоянии, – прошептал Закария, отвечая на ее молчаливый вопрос.

– А если он попытается навредить себе?

– За нами идет солдат из моего отряда. Он сопровождает его до личных покоев и проследит, чтобы принц не наделал глупостей.

Тина нервно потерла шею, где несколько секунд назад ее коснулась игла.

– Твои руки были заняты. Как ты достал свою треклятую иглу?

Закария молча продемонстрировал ей внутреннюю сторону куртки, и она увидела приколотые к стоячему воротнику иглы.

– Я сделал это зубами, – подтвердил он ее догадки.

Тина представила, как он склоняет голову к ее шее и почти прижимается губами к коже. От осознания этого по спине прошелся рой мурашек, а на щеках вспыхнул румянец.

– Куда ты меня ведешь? – спросила она, чтобы отвлечься.

– Провожая до твоей комнаты. В замке слишком много посторонних людей. Не стоит ходить по ночам в одиночку.

Весь оставшийся путь они прошли в молчании. Тина вслушивалась в звук шагов, гулким эхом разносившийся по безлюдному полутемному коридору, и пыталась понять, заглушают ли они громкий стук ее сердца.

Когда они дошли до ее покоев, Закария начал копаться в кармане своей куртки. Тина заинтересованно наблюдала за ним, пока он не достал какой-то маленький предмет.

– Это твое, – сказал он, протягивая раскрытую ладонь. На ней лежал ее браслет, в поисках которого она обсмотрела полы всего замка.

– Где ты его нашел? – изумленно воскликнула она и схватила браслет.

Закария промолчал.

Тина сразу заметила произошедшие в нем изменения. Браслет стал тяжелее. Старые, потертые деревянные бусины теперь надежно покрывал толстый слой лака, а обычную шерстяную нить заменила тонкая стальная леска.

Она подняла на него удивленный взгляд.

– Это ты сделал?

– Старая нитка истончилась и могла оборваться в любой момент. Тогда ты точно потеряла бы его.

– Мог бы предупредить меня, что взял браслет. Эта вещь дорога мне.

– Мог, но я не подумал. – Закария почесал затылок, напоминая этим жестом провинившегося ребенка.

Тина со вздохом покачала головой. Она попыталась застегнуть браслет на запястье, но сделать это одной рукой оказалось непростой задачей.

– Давай помогу. – Закария подошел ближе и склонился над ее рукой. Она тут же почувствовала знакомые ароматы дождя и крыжовника. Несмотря на прохладу коридора, его пальцы были на удивление горячими. Он ловко справился с застежкой и отступил на шаг.

– Спасибо, – поблагодарила Тина и смущенно опустила голову. – Зачем ты это сделал?

– Чтобы нить больше не рвалась. Это же очевидно.

Она раздраженно фыркнула.

– Ты издеваешься, да? Я ведь не об этом спрашивала.

– Да, издеваюсь, чтобы ты не докучала мне глупыми расспросами. Если не устраивает, могу применить иглу.

Тина посмотрела на адепта, заметив на его губах легкую, едва заметную ухмылку, и сокрушенно покачала головой.

– Твое чувство юмора отвратительно, Закария.

– У меня его в принципе нет. Я говорил вполне серьезно, – парировал он.

– Хочешь чай? Я испекла печенье.

В одно мгновение привычная сосредоточенность на его лице сменилась растерянностью, даже испугом. Он выглядел так, будто ему предложили нечто страшное и неизведанное.

– Чай? – оторопело переспросил Закария.

– Ну да, попьем вместе чай. – Тина поразилась собственной смелости, но тут же пожалела об этом. Она была уверена, что он откажется и сделает это, как всегда, в грубой форме.

– Я хочу чай, – неуверенно пробормотал Закария, смутившись сильнее Тины. – С печеньем...

– Хорошо. Тогда проходи.

Она открыла дверь в покои. Пространство озарял свет пламени, исходящий из маленького камина. Норы уже не было – сегодня она работала в ночь.

Тина отошла к стене, пропуская внутрь Закарию.

– У вас уютно. – Взгляд адепта, казалось, изучал каждую деталь в комнате.

– Спасибо.

– Это твое место. – Он указал на аккуратно застеленную кровать сбоку от двери, на которой не было ничего, кроме корзинки с вязанием, в отличие от соседней кровати у окна, где лежали разноцветные подушки, старая тряпичная кукла и книга с потрепанным корешком.

Тина кивнула и подошла к камину. Набрала в чайник воды и повесила на железную перекладину над огнем.

– Не стесняйся, бери стул и присаживайся. – Она подошла к столу, расположенному между кроватями, и начала доставать из навесного шкафчика кружки и ложки.

Закария тем временем снял обувь, повесил куртку на гвоздь у двери и прошел к столу. На нем была надета облегающая черная кофта с рукавами до локтей, и, увидев его худые, но жилистые и сильные руки, покрытые черными узорами, Тина тяжело сглотнула.

Он сел на табуретку и, прислонившись спиной к стене, посмотрел на Тину изучающим взглядом.

– Ты часто бываешь на кухне у Поппи. Я не раз видел, как ты возилась с тестом. Тебе это нравится?

Тина вытащила с полки тарелку с ароматным печеньем и поставила в центр стола.

– Да, меня это успокаивает. И я люблю запах выпечки.

– Я тоже, – тихо отозвался Закария.

Когда вода закипела, Тина заварила травяной чай и разлила его по чашка. Затем заняла место напротив Закарии и взяла одно печенье. Адепт последовал ее примеру и надкусил хрустящее сладкое тесто.

– Тут есть изюм? – растерянно спросил он с набитым ртом.

– Да. – Тина нервно пригладила волосы. – Забыла сказать. Ты не любишь изюм?

Закария медленно жевал печенье, стараясь тщательно распробовать вкус, но потом запихнул остатки в рот и сделал большой глоток обжигающе горячего чая.

– В усадьбе моего отца был виноградник, – тихо поведал он и взял с тарелки второе печенье. – Я терпеть не мог свежий виноград. – Его глаза заволокло пеленой воспоминаний, а на губах появилась грустная полуулыбка. У Тины перехватило дыхание от того, настолько красив он был в это мгновение.

– Мама часто пекла печенье, и ни одна служанка не могла приготовить его так же вкусно, как она, – продолжил он незнакомым дрожащим голосом. – Она всегда добавляла в тесто изюм, а я даже не догадывался, что изюм – это высушенный виноград. Мы собирались всей семьей под навесом из виноградника и пили чай с маминой выпечкой. И я, уплетая за обе щеки печенье с изюмом, смело утверждал, что от этого виноградника только одна польза – под ним можно спрятаться от солнца. Все надо мной посмеивались, а я не понимал почему... Этот виноградник сожгли вместе с домом враги отца, после того как убили всю мою семью.

Взгляд Закарии ожесточился, и он сжал руку в кулак. Раздался тихий хруст, и на стол посыпались мелкие крошки. Он вздрогнул и нахмурил брови, увидев, что сотворил с печеньем.

– Ничего страшного, – спохватилась Тина и, взяв тряпку, смела в руку крошки. Когда она склонилась над столом, их взгляды встретились. Между ними было всего несколько сантиметров, и Тине стало труднее дышать.

– Я давно ни с кем не пил чай, – сказал он, не отрывая от нее тяжелого взгляда. – Тина Эйнар...

– Ты можешь приходить в свободное время, я всегда тебе рада, – ляпнула она, не подумав, и почувствовала, как все внутри сгорает от стыда.

– Ты слишком добра ко мне.

Они продолжили пить чай в тишине. Закария с аппетитом поедал одно печенье за другим, а у Тины на языке крутился один вопрос, который она все-таки, набравшись храбрости, задала:

– Тебе обязательно становиться Мастером теней, чтобы отомстить за родных?

Закария на мгновение замер. Рука с печеньем застыла на полпути ко рту.

– По лезвию ножа ходишь, Тина Эйнар, – угрожающим тоном прошептал он, но все же ответил: – Да, обязательно.

– Но почему? Можно ведь найти убийцу и отомстить, не становясь мастером. Ты сильный воин. Я видела, как ты сражаешься на тренировочной площадке сразу с несколькими соперниками. Никто даже задеть тебя не может.

– Одной силы недостаточно. Убийца моих родных – Абиль – живет в одном из храмов Орде-на и редко покидает его. А чтобы проникнуть туда и убить мастера, я должен бросить вызов. Так что сперва мне нужно занять тот же ранг, что и у него.

Тина удивилась разговорчивости адепта и решила воспользоваться столь редкой возможностью.

– Пока ты станешь мастером, он состарится и умрет естественной смертью.

Закария провел языком по внутренней стороне губы, прокручивая стальное кольцо.

– Мастера теней живут дольше обычных людей благодаря снадобьям. – Он взял печенье с тарелки и съел половину в один присест. – Сколько ты дашь Холланду?

– Лет пятьдесят, – задумчиво прикинула Тина.

– Ему семьдесят шесть. В среднем мастера, обитающие в храме, доживают до ста тридцати. Поэтому Абиль будет в полном расцвете сил, когда я приду за его головой.

– Ты так спокойно всем говоришь о своей мести. Не боишься, что его люди придут за тобой раньше?

– Не всем, а лишь немногим, – поправил он. – То, что об этом узнала ты, заслуга твоей болтливой рыжей соседки, которой я точно скоро отрежу язык. Холланд потому и привез меня в Арден, что оставаться на Востоке было опасно. А здесь люди Абиля вряд ли достанут меня, потому что Орден теней имеет власть лишь на Востоке и границы королевства пересекают редко.

Тина нахмурилась.

– Но ты ведь иногда посещаешь Орден?

В следующее мгновение Закария пригнулся к Тине так близко, что она почувствовала на своих губах его дыхание.

– Долго будешь докучать мне глупыми расспросами? – прошептал он, и Тина мысленно умоляла себя продолжать дышать.

Закария буравил ее хищным взглядом еще несколько секунд, а потом выхватил из ее рук печенье и вернулся на место.

– Ты съел все печенье? – с удивлением обнаружила Тина, когда вышла из оцепенения, вызванного близостью адепта.

– Я не ел со вчерашнего обеда, поэтому очень проголодался.

– Почему ты не сказал?! Я бы принесла тебе поесть из кухни, – спохватилась Тина и, подскочив со стула, уже направилась к двери.

Теплая рука схватила ее за запястье.

– Не надо, Тина. Я наелся. И мне уже пора. – Закария отпустил ее, снял с крючка куртку и открыл дверь. На мгновение замер, а потом развернулся и снова подошел к Тине. – Мне все очень понравилось.

Он коснулся ее щеки и заправил волосы за ухо. Нежно провел руками по шраму и скользнул вниз по шее. Тина забыла, как дышать, и в этот раз никакие внутренние мольбы ей не помогли. Закария задержал пальцы над ее ключицей, прямо на пульсирующей вене, выдающей ее ушаченное сердцебиение.

– Спасибо, что пригласила, Тина Эйнар, – прошептал он ей на ухо и вышел из комнаты, не оборачиваясь.

Тина еще долго стояла как вкопанная и пыталась заставить себя не улыбаться в этот горестный для всех обитателей замка день.

Глава 11

Октябрь, 1135 г. со дня Разделения

Капитан «Укротителя бури» Лимас был опытным моряком, бороздившим морские просторы вот уже пятнадцать лет. Его судно было торговым, но товар перевозился весьма необычный для вод Великого Материка.

Лимас был жестоким работоторговцем.

На материке, который чужеземцы прозвали Дальним, а коренные жители – Одиноким, из-за отдаленности к двум другим, процветало рабство. Рабов в основном привозили с Кровавых островов, что располагались недалеко от Одинокого Материка. Рабы в тех землях выполняли самую разную работу за кусок хлеба: прислуживали в домах господ, ухаживали за скотом, работали на кофейных и чайных плантациях, содержали в чистоте улицы и ублажали искушенных мужчин и женщин в домах удовольствий.

Но самыми ценными считались рабы, которые умели держать в руках меч. Их продавали владельцам бойцовых арен, дельцам богатым, которые охотно платили большие деньги за здоровых, крепких мужчин. На этих аренах рабы бились насмерть на потеху публике. И богатые господа, и бедные голодранцы любили наблюдать за тем, как рабы жестоко убивают друг друга только ради того, чтобы продлить свою никчемную жизнь еще на несколько дней.

Но добыча рабов была работой нелегкой. Жители островов научились защищать свои земли от набегов работоторговцев, и именно поэтому Лимас решил попытать счастья у вод Великого Материка, но успеха ему эта авантюра не принесла. Береговая охрана даже не позволила кораблю без флага приблизиться к бухте, и команда Лимаса едва успела ускользнуть. Они были вынуждены возвращаться домой ни с чем, да еще и попали в шторм, который повредил паруса.

Капитан Лимас сидел в своей каюте, когда в дверь постучался один из матросов.

– Чего тебе? – недовольно спросил он у мальчишки.

– Капитан, мы вытащили из моря какого-то юношу. Его корабль, видать, попал в шторм и потерпел крушение. Он лежал на обломках без сознания с пробитой головой.

– И что? Мне плясать от счастья? Зачем ты меня потревожил?

– Старпом приказал позвать вас, говорит, этот парень из знатных. Он богато одет.

Лимас призадумался. Если этот спасенный был из высокородной знати, за него можно потребовать хороший выкуп. Поднявшись на палубу, он увидел, как над спасенным возится их корабельный лекарь, Гаян. Тот уже перевязал ему голову, и из-под повязки виднелись только кончики иссиня-черных волос. Сам спасенный оказался юнцом лет двадцати трех. На нем действительно была рубашка, расшитая шелковыми нитями, и порванный сюртук, манжеты которого украшали пуговицы из алмазов.

Лимас осмотрел бледные пальцы мальчишки и раздосадованно выругался.

– Это обычный купец. Знать Великого Материка всегда носит фамильные перстни. А у этого ничего нет. – Капитан задержал взгляд на кольце с крупным черным камнем. Ему даже на мгновение показалось, что тот мерцает синим светом. – Видать, очень богатый...

С этими словами Лимас снял с пальца перстень и надел на свой мизинец – на безымянный кольцо просто-напросто не налезло.

– А что делать со спасенным? – спросил старпом.

– Снимите с него сюртук и рубашку, а самого мальчишку за борт. До дома путь не близкий, нам лишние рты не нужны.

Он собрался было уйти, но тут парень пришел в себя, и Лимас встретился взглядом с неестественно светлыми, почти прозрачными глазами в обрамлении густых черных ресниц. Они пугали и завораживали одновременно. Юноша несколько секунд смотрел на Лимаса прожигающим нутро взглядом, прежде чем снова потерял сознание.

– Хотя нет, – задумчиво протянул Лимас. – Паренек красив, как девка. Если выживет, станет отличным товаром для домов удовольствий.

Моряки переложили мальчишку на носилки и унесли в карцер для рабов, а Лимас вернулся к себе в каюту, размышляя о новом пленнике.

Если придумать чудесную историю спасения этого юнца и приплести какую-нибудь байку о магическом происхождении неестественного цвета глаз, то его можно будет продать втридорога.

Ноябрь, 1135 г со дня Разделения

Ему было страшно.

Повсюду царил непроглядная мгла, соленая вода заполняла легкие, а холод пронизывал до костей. Морская пучина обрушивалась на него с дикой яростью, лишая возможности дышать.

Поначалу этот ужас, порожденный жестокой стихией, казался явью. Но однажды ему удалось вынырнуть из морской пучины и вдохнуть теплый воздух, пропитанный древесиной и смолой.

Он открыл глаза и понял, что все было сном.

Юноша лежал на грязной циновке в тесном помещении. Единственным источником света было маленькое круглое оконце с засаленными стеклами. Он попытался подняться, но тело неподъемным грузом сковала сильная слабость, а голову прожгла нестерпимая боль. В глазах потемнело, и он снова оказался в плену кошмаров.

Он не знал, сколько времени провел в бреду на грани реальности и снов. Помнил только, как время от времени кто-то разговаривал с ним, отпаивал обжигающим горло напитком и прикладывал что-то холодное и вязкое к голове. А еще он слышал голоса. Много голосов. Крики людей и зывания к Единому с мольбами о спасении. Приглушенные мужские голоса, рассуждающие о ком-то, кто, по их мнению, «вряд ли выкарабкается».

И женский голос. Нежный, до боли родной и знакомый, он зывал к нему, с каждым разом становясь все громче и громче.

«Вернись ко мне, вернись... Ты обещал вернуться...»

Он резко открыл глаза и осмотрелся вокруг.

– Неужто очухался? Надеюсь, не на пару секунд, как прошлые разы.

– Где я? – спросил юноша, едва разлепив пересохшие губы.

– На «Укротителе бури». Тебя подобрали почти мертвого в море. Я уже месяц над тобой хлопочу как наседка.

Перед ним сидел пожилой мужчина со смуглой кожей, испещренной глубокими бороздами морщин. Он говорил на общем наречии, но юноша с трудом понимал его. Диалект казался ему незнакомым.

– Как тебя звать, юнец? – спросил мужчина и протянул ему грязную жестяную кружку.

Юноша попытался встать, но не смог. Тело не слушалось, а в руках и ногах не было сил. Мужчина помог ему подняться и усадил, прислонив спиной к деревянной стене, после чего напоил его отвратительно горьким отваром. Юноша закашлялся, и затылок снова пронзила боль.

– Назови свое имя, – снова потребовал мужчина.

– Имя, – шепотом повторил парень, чувствуя, как нарастает паника внутри. Он не мог вспомнить своего имени. Какофония голосов в голове стихла, уступая место пугающему своим безмолвием штилю. Он нахмурился, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь, кроме крошечной тьмы и рокошующих волн за бортом. Дыхание сбилось, а голова разболелась сильнее прежнего от напряжения.

Кто он? Где он? Как здесь оказался?

Он чувствовал себя загнанным в угол щенком, который попал в клетку с голодными хищниками. Только эти хищники не кусали его, а мучали чередой нескончаемых вопросов, ни на один из которых он не знал ответа.

– Кто я? – с ужасом прошептал он и снова потерял сознание.

С тех пор он все чаще и чаще стал приходить в себя.

По словам Гаяна, того пожилого мужчины, который занимался его лечением, он пробыл на корабле уже два месяца, и «Укротитель бури» скоро должен был прибыть к берегам Одинокого Материка. За это время юноша так и не смог ничего о себе вспомнить. Каждый раз, очнувшись, он впадал в панику от того, сколько вопросов без ответов терзали его разум. Перед внутренним взором всплывали какие-то смутные образы, смазанные отрывки воспоминаний, которые вызывали еще больше вопросов. И снова голоса, среди которых только один он мог различить четко и ясно.

Девичий. Он взывал к нему в неустанной просьбе:

«Вернись ко мне... Ты обещал вернуться...»

Эта мольба, полная слез и отчаяния, приносила ему едва ли не физическую боль. Чаще всего, услышав именно этот голос, он снова отключался.

Со временем паника и безнадежность отступили, и он попытался взять себя в руки, чтобы разобраться, что делать дальше. Помимо Гаяна он видел нескольких матросов, а один раз к нему в каморку даже заглянул капитан Лимас. Он осмотрел его с ног до головы, даже прощупал руки, торс и ноги, а потом, удовлетворенно кивнув, ушел. Юноше это совсем не понравилось.

– Что это за судно? И зачем капитан меня осматривал? – спросил он тогда у Гаяна.

– Скоро сам все узнаешь, – расплывчато ответил Гаян и почему-то нахмурился.

И не соврал.

Спустя четыре дня они прибыли в порт города Тургот.

Перед тем как подняться на палубу, Гаян дал ему снадобье со странным приторно-сладким вкусом, которое было непохоже на предыдущие лекарственные настойки. Через пару мгновений юноша почувствовал странную легкость и умиротворение, но они быстро сменились другим, странным состоянием. Уши заполнил неясный гул, и информация доходила до сознания очень медленно. Он с трудом переставлял ноги, а когда поднялся на палубу, его руки сковали железными кандалами на длинной цепи, к которой были прикованы еще несколько человек в путах.

– Что это? – спросил он, с любопытством разглядывая наручи.

Где-то в глубине сознания ворочалось какое-то сомнение. Что-то здесь было не так, что-то неправильное. Но выпитое снадобье заглушало зов рассудка, и юноша послушно выполнял указания старпома.

Их повели по широкой улице, переполненной людьми. Солнце стояло высоко в небе и нещадно обжигало голову и оголенные по локоть руки. Юноша осматривался вокруг, щурясь от ослепительных лучей, и вдыхал раскаленный воздух, пропитанный зловонной смесью пряных специй и помойки. Эта местность, скудная на деревья и прочую растительность, была ему незнакома. Вокруг сновали мужчины и женщины разных возрастов и статуса: среди них были и бедняки в обшарпанном тряпье с тяжелыми тюками на сгорбленных спинах, и богачи в роскошных парчовых одеждах, восседавшие на повозках.

Они прошли мимо вереницы домов из желтоватого камня по выложенной булыжником дороге и оказались на большой площади. В центре возвышался помост из бревен, на котором стояли люди в рваной одежде, закованные в кандалы.

Тучный загорелый мужчина вывел из толпы стройную молодую девочку и заговорил на общем наречии с неразборчивым акцентом:

– Представляю вашему вниманию Санару! Молодая, сочная как персик и нежная как мясо ягненка красавица с Асарийского острова! Превосходно танцует и сладко поет! Чиста, как воды родника! – На губах мужчины растянулась гаденькая ухмылка. – Ждет, когда ее приласкает умелая мужская рука!

На глазах девушки выступили слезы, но она продолжала смирно стоять на место.

«*Это неправильно!*» – возмутился было голос в сознании юноши, но невидимая рука вмиг утихомирила вспышку гнева, и он подобно марионетке поплелся за Лимасом в общей веренице закованных в кандалы людей. Лимас поднялся на помост и потянул за цепь, чтобы пленники последовали за ним.

– Даю за нее десять золотых! – выкрикнул из толпы мужчина, и его тут же перебил другой, предложив пятнадцать золотых.

Благодаря тому, что был здесь выше всех почти на голову, юноша увидел в толпе старого, жирного мужчину с жидкой бородашкой, который купил Санару за двадцать золотых.

«*Это неправильно!*», – вновь подумал он, но почему-то продолжал молчать, будто ему не только сковали руки, но и засунули в рот кляп.

Он простоял под палящим солнцем около двух часов. К тому времени он уже едва держался на ногах, а голова снова начала раскалываться от жуткой боли.

Внезапно вперед выступил Лимас и громко произнес:

– Этого парнишку мы нашли в море! И он явно непростой человек! Сын русалки, не иначе!

Юноша не мог понять, о ком идет речь. Голос Лимаса словно кувалдой бил ему по вискам, и он, сгорбившись, закрыл глаза в надежде, что не рухнет на землю без сознания.

– Сын русалки?! Что за чушь ты несешь! – послышалось из толпы.

– Мы странствовали по водам Великого Материка и возвращались оттуда ни с чем. Да еще и попали в ужасный шторм, который чудом пережили, – убедительным тоном вещал Лимас. – После шторма мы нашли в море этого юношу. Представьте, рядом никаких следов обломков разрушенного корабля или других людей. Как только он поднялся на борт, к нам вернулась удача! Мы напали на торговое судно, набитое сокровищами и дорогим товаром, и на небольшую портовую деревню на Малом Материке. Он принес нам удачу! Но если вам и этого мало, то присмотритесь к нему получше. Его кожа бледна, как у отца-утопленника, что продал жизнь за ночь с русалкой. Его волосы черны как океанское дно. А его глаза... – Лимас схватил его за подбородок и приподнял голову. Юноша нехотя поднял глаза на толпу и тут же услышал восторженные возгласы. – Его глаза прозрачны как водная гладь. Тут нет никаких сомнений! Это Инео – сын русалки! Сын моря! И он приносит удачу!

«*Это неправильно!*». И снова неприятное ощущение шевельнулось где-то в недрах души. Но он продолжал стоять неподвижно и прислушиваться к странному гулу в ушах.

– Даю за него двадцать золотых! – выкрикнул мужчина из толпы, но юноша не увидел его лица. Он смотрел на свои закованные в кандалы руки, чувствуя, как в душе взматывается буря.

«*Это неправильно!*» – вскричало подсознание.

Он не был сыном русалки. Это он знал точно. Помнил, как его корабль потерпел крушение во время шторма. Помнил крики моряков и жуткий треск ломающейся мачты. Помнил, как его легкие заполняла вода. Но что было до всего этого? Кто он такой? Почему не мог ничего вспомнить?

«*Вернись ко мне... Ты обещал...*» – Женский голос прорвался сквозь странный гул в ушах, и он наконец-то вышел из оцепенения. Огляделся по сторонам и отчетливо кое-что понял: все, что здесь происходило, было для него чуждо – кем бы он ни был.

– Предлагаю пятьдесят золотых! – прокричала женщина средних лет, одетая в голубом платье с оголенным плечом.

– Продано! – радостно провозгласил Лимас. – Инео, сын русалки, станет украшением вашего дома удовольствий и принесет небывалую удачу любому, кто разделит с ним ложе.

Юноша полоснул Лимаса гневным взглядом. Его хотят продать точно скот? Ради этого его спасли, а потом приволокли сюда?

Пелена окончательно спала, и он понял, что его явно опоили какими-то дурманящими снадобьями, чтобы он стоял тихо и не сопротивлялся.

Женщина поднялась на помост, держа в руках увесистый мешочек золота, а следом за ней шел мужчина. В его руках юноша увидел железный прут с круглой печатью на конце.

Печатью, которая была накалена докрасна.

Рабское клеймо.

Мужчина подошел к нему, и он почувствовал, как пара рук опустилась на его плечи и с силой надавила, заставляя опуститься на колени. Но он не желал преклоняться. Перед глазами предстал туманный образ, где он, богато одетый, опускался на одно колено перед мужчиной в короне и произносил клятву верности. Но юноша не успел ухватиться за это воспоминание, когда давление на плечи усилилось, и его ноги подкосились.

Он смиренно склонил голову и замер. С его рубашки содрали рукав, и боковым зрением он увидел, как раскаленное клеймо приблизилось к его плечу. Голова ужасно гудела, но рассудок на удивление был ясным – словно он и не пил дурманящего снадобья.

Схватившись за клеймо, юноша с молниеносной скоростью вырвал его из рук незнакомого мужчины. Он ткнул раскаленным концом в лицо стражника, который удерживал его за плечи, а острием пырнул в живот того, кто собирался его клеймить.

По толпе прокатились возбужденный ропот и крики. Женщина, что отсчитывала золотые монеты Лимасу, громко взвизгнула, и к юноше подлетели несколько других стражников. Он не знал, откуда ему ведомы эти приемы, но уверенно нырнул под руку одного из стражей и метким ударом трех пальцев в шею лишил того сознания, после чего выхватил из его рук короткий меч.

Хотя кандалы были соединены между собой несколькими железными звеньями, которые стесняли движения, но он все равно был гораздо, гораздо быстрее противников. Как он сумел развить такую скорость, если недавно умирал от слабости и головной боли? Он не знал ответа на вопрос и просто продолжал драться.

Юноша полоснул по животу одного стражника и, поставив подножку, повалил другого. Третьему он сломал нос ударом головы. А четвертого пырнул в живот.

Он медленно продвигался к краю помоста, оставляя за спиной раненых и убитых стражников.

– Схватите мальчишку! – взревел Лимас, и на юношу бросились еще несколько мужчин. Кто-то сильно ударил его по спине, отчего он упал на колени. На него тут же навалились еще трое стражников и выбили из рук меч.

Он пытался сопротивляться, но силы были не равны.

– Верни деньги, Лимас! Твой раб мне весь дом разнесет, – возмутилась женщина и выхватила мешочек с золотом из рук работорговца.

– Ты что творишь, щенок? – гневно прокричал Лимас. – Двадцать ударов плетью этому ублюдку!

– Лучше сразу убейте меня! – Юноша сплюнул на землю: один из мужчин успел разбить ему губу и рассечь бровь. Горячая кровь тонкой струйкой стекала по лицу на подбородок, но он продолжал сверлить гневным взглядом Лимаса. – Я не стану игрушкой для утех. Лучше умру, как мужчина!

Повисла звенящая тишина. Все с любопытством наблюдали за развернувшейся на помосте сценой. Даже бедняки выступили из-под тени домов и устремились в центр площади, чтобы посмотреть на представление.

Лимас присел перед ним на корточки, а стражники еще сильнее сжали его плечи, больно выворачивая руки. В этот момент юноша увидел то, от чего его сердце сжалось в странном волнении.

На мизинце Лимаса красовался изящный перстень с круглым камнем насыщенного черного цвета.

У юноши не было никаких сомнений, что этот перстень работороговец снял с него, пока он лежал без сознания на корабле. Он отчетливо слышал шепот, словно доносившийся из темных недр черного камня:

«Вернись ко мне. Вернись. Ты обещал».

Он рванулся было в сторону Лимаса, но получил удар ногой по голове.

Сознание помутилось.

– Поверь, сопляк, ты умрешь, но достойной смерти тебе не видать. Сдохнешь, как скотина на бойне. – Лимас поднялся и прижал сапогом его голову к земле. – Двадцать ударов ему, а потом отправьте к Джованни, расскажите, какой переполох устроил здесь этот паршивец. Он любит умирять буйных рабов.

Юноша из последних сил попытался сопротивляться, но мужской сапог лишь сильнее придавил его к земле, отчего пыль попала в глаза и рот. Его руки на мгновение освободили, но он не успел среагировать, прежде чем их вывернули вперед, потянув за цепь кандалов как за поводья, лишая последнего шанса высвободиться.

На мгновение на площади повисла гробовая тишина, а потом ее разрезал свистящий удар плети. Юноша всхлипнул от охватившей его дикой боли, но сумел сдержать крик, застрявший где-то в горле. После второго удара раздался треск ткани его рубашки, и третий пришелся прямо по оголенной коже. Он с трудом сдерживал стоны и крики, глаза жгло от слез унижения, а мужской сапог так и продолжал придавливать его голову к земле. Пятый или, может быть, шестой удар с неприятным звуком рассек кожу, а на десятый он потерял самообладание и впервые вскрикнул сквозь стиснутые зубы.

Хлыст вдруг остановился. Лимас убрал ногу с его лица и снова опустил перед ним на корточки. Сквозь пелену слез юноша немигающим взглядом смотрел на перстень на чужой руке.

– Мне показалось или я услышал мольбу о пощаде?

– Перстень... – едва слышно просипел он.

– Что? – удивленно переспросил Лимас.

– Я верну его обратно и заберу твою жизнь в уплату долга. – Юноша судорожно вздохнул и закрыл глаза.

У него не было прошлого, не было имени, кроме того, что ему дали на этой площади. Но у него появилась цель – вспомнить все и отомстить похитителю его свободы.

– Твоя жизнь в моих руках, глупец.

Муки возобновились, но Инео больше не мог терпеть и вскрикивал каждый раз, когда плеть рассекала кожу. Он сбился со счета, и казалось, что ударов было намного больше двадцати. Когда хлыст рассек воспаленную, истекающую кровью плоть в последний раз, он потерял сознание.

Инео пришел в себя в темнице. Именно ее ему напомнило сырое помещение с голыми стенами из серого камня и тяжелой дубовой дверью. Сквозь небольшое оконце с железной решеткой просачивался дневной свет.

Он лежал на животе на грязной циновке, набитой соломой, и ему в нос ударил едкий запах мочи, гноя и пота. Он попытался встать, но тут же застонал от боли в спине, голове и руке.

На запястье красовался свежий ожог – рабское клеймо.

– Осторожнее, скинешь со спины припарки, я по новой их прикладывать не буду, – проворчал кто-то слева от него.

Инео с трудом повернул голову, заметив, что на его шее закреплен тонкий железный обруч, цепь от которого тянулась к железному шесту в центре темницы. Его посадили на привязь, как пса. Гнев, отчаянье и злость заполняли его душу, но сил не было даже на то, чтобы подняться с матраса.

– Где я? – спросил он, глядя на незнакомца, который сидел на такой же циновке у правой стены, прямо напротив двери.

– В одной из темниц бойцовой арены. Тебя продали за тридцать золотых. – Мужчина держал в руках нечто похожее на заплесневелый хлеб и с аппетитом откусывал от него большие куски.

– А ты кто?

– Такой же раб, как и ты. Нахожусь тут почти год, – это, считай, рекорд. На бойцовой арене Джованни мало кто может протянуть столько времени.

– И что тут делают? Дерутся насмерть? – Инео с трудом приподнялся на локтях, но через несколько секунд снова упал на циновку. Все тело ныло, а спина горела адским огнем.

– Побереги силы. Джованни не позволит тебе долго прохлаждаться. Через неделю состоится бойня, и ты примешь в ней участие. Как тебя зовут?

– Не помню. На рынке рабов меня прозвали Инео.

– Сын русалки, значит... – Мужчина наконец-то отвлекся от трапезы и, откинув волосы с лица, посмотрел на него. – Меня зовут Ахига, будем соседями, пока один из нас не сдохнет в этом убогом месте.

Ахига был смуглым широкоплечим мужчиной тридцати лет с раскосыми карими глазами. Его скуластое лицо с приплюснутым большим носом было испещрено мелкими, тонкими шрамами, которые составляли единый замысловатый узор. На шее Ахиги тоже имелся ошейник с цепью, прикованной к шесту.

– Это ты сделал? – Инео указал на свою голую спину, которую покрывала ткань, пропитанная жидкостью с едким запахом. Она приятно холодила спину, облегчая боль от ударов хлыста.

– Джованни приказал. Не хотел, чтобы ты помер от заражения, не успев окупить затраченное на тебя золотишко. Ешь, пока не остыло.

Инео только сейчас увидел перед собой деревянную миску с какой-то мутной жижей. Он взял миску трясущейся рукой и пролил половину содержимого на землю, когда почувствовал запах протухшего мяса и не смог сдержать спазм тошноты.

– Со временем привыкнешь, – со смешком отозвался Ахига и доел остатки хлеба. – Хотя многие рабы умирают от желудочных хворей.

Инео брезгливо встряхнул руку от остатков жидкости, прикидывая в уме, сколько он сможет продержаться без еды. Желудок жалобно урчал, но содержимое миски не вызывало у него доверия, да и вонь в темнице стояла такая, что ни о какой еде он думать не мог.

– Мне надо в уборную, – сказал он, оглядываясь по сторонам в поисках еще одной двери.

Ахига громко расхохотался.

– А горячую ванну тебе принять не нужно? Может, попросишь еще Джованни спинку потереть? – Увидев суровое выражение лица Инео, он перестал смеяться и серьезным тоном

продолжил: – Мне жаль, парень, но до тебя, видать, еще не дошло. Ты раб бойцовой арены – самого ужасного места в Турготе. Забудь про удобства, домашний уют и радость. Здесь тебя ждут боль, унижения, страдания и смерть.

– Неужели отсюда нельзя выбраться? Должен быть выход... должна быть надежда. – Приложив титанические усилия, Инео оперся на руки и сел на матрас. Он осмотрел землю и понял, почему слова об уборной так рассмешили Ахигу.

Новый спазм подкатил к горлу, и его стошнило желчью.

«Вернись ко мне...»

Нежный голос одновременно и умирал боль, и наносил новые раны глубоко на сердце.

– У всех тут поначалу теплится надежда. Но и она скоро тебя покинет. Надежде не место в Турготе – городе рабовладельцев.

Глава 12

Декабрь, 1135 г. со дня Разделения

Инео провел в темнице десять дней.

Раны от хлыста успели покрыться тонкой коркой, но он чувствовал себя отвратительно. Его тело было ослабшим, а здешняя еда никак не способствовала восстановлению. Инео с горем пополам привык к похлебке из овса, в которой иногда попадались кусочки жира или требухи – явно не первой свежести.

К чему он так и не смог привыкнуть, так это к хлебу, что выдавали с похлебкой. Казалось, он был сделан вовсе не из пшеницы, а из опилок старого гниющего дерева.

Его сосед Ахига постоянно шутил, что Инео был каким-то заморским богатеем, не привыкшим к простой крестьянской пище. Вот только самому Инео эти шутки смешными не казались. Но он не обижался на Ахигу. Этот здоровенный добряк даже нравился ему из-за непоколебимого оптимизма, который не покидал его в стенах рабской темницы.

Однако Инео переполняли гнев, обида и боль оттого, что он так ничего и не вспомнил. Ни имени, ни возраста. Первые дни его охватывала паника от устрашающего чувства штиля в голове. Ему хотелось кричать, плакать, разбивать кулаки в кровь, и, чтобы хоть как-то отвлечься, он донимал Ахигу расспросами.

Так он узнал, что на этой бойцовой арене все бои смертельные. Раз в месяц устраивались боины, во время которых на арену выпускали по сорок воинов, и они сражались друг с другом любым оружием, какое только достанут, пока в живых не останутся всего пятеро.

Всех рабов держали в закрытых темницах по два-три человека. По словам Ахиги, раньше их не запирали, но рабы постоянно пытались сбежать с территории арены либо устраивали между собой резню. Поэтому Джованни построил камеры и постоянно держал рабов взаперти, кроме боев и тренировок.

– Джованни так печется о жизни рабов вне арены, но все равно отправляет их на убой, где они гибнут десятками. – Инео отказывался понимать и принимать политику рабовладельцев. Это было для него дико, мерзко и чуждо.

– Крепкие мужчины, умеющие драться, на рынке рабов нынче стоят дорого. С каждым месяцем боевая арена приносит все меньше денег, а Джованни становится все злее, вот и проводит кровавадные боины, чтобы хоть как-то вызвать интерес у публики.

– Сколько стражников находится на территории арены?

– Что ты задумал, парень? – Ахига с подозрением посмотрел на Инео. – Я ведь говорил, что сбежать отсюда невозможно. Все ходы тщательно охраняются. Стены арены высоки, а рабов выпускают из темниц только на бои и тренировки в сопровождении десятков стражников.

– Нужно все тщательно изучить и спланировать побег, – не унимался Инео.

Ахига сочувственно покачал головой.

– Ты заклеймен меткой раба, парень. Даже если сбежишь, тебя не выпустят с острова без Вольной хозяина.

– Вольной?

– Закрепленный особой печатью документ, который подтверждает, что хозяин даровал тебе свободу. Даже не мечтай об этой бумаге, – предупредил Ахига, заметив в его глазах опасный блеск. – Освобождение раба – очень редкое событие, а Джованни – последний человек, кто согласится на такую добродетель.

После того разговора Инео поник. Он продолжал безвольно лежать на циновке и взирать в потолок, пытаясь найти среди мутных образов, всплывавших в голове, хоть что-то, что помогло бы ему понять, кто он такой.

За это время он успел досконально изучить распорядок дня. Еду приносили дважды – утром и вечером. Миски просовывали через маленькое окошко в двери, которое также запиралось на ключ снаружи. Днем Ахигу забирали на тренировки трое солдат. Инео пока не трогали, ссылаясь на то, что он, будучи новичком, начнет тренировки только после первой бойни, если, конечно, выживет. Один раз к ним пришел хозяин бойцовой арены, Джованни.

Это был крепкий мужчина среднего роста с кудрявыми темными волосами до плеч и короткой бородой. Он выглядел не старше пятидесяти лет, хотя, если верить словам Ахиги, ему было далеко за шестьдесят.

Джованни вошел в сопровождении двух стражников, отчего темница стала еще теснее, чем раньше.

– Рад видеть тебя в здравии, Инео, сын моря. Готов к первому бою? – спросил он с насмешкой, и юноша окинул его холодным, как сталь, взглядом.

– А если не готов, ты пожалеешь меня и выдашь сладкий пирожок? – процедил Инео.

– Откуда в простом рабе столько гонора? – беззлобно возмутился Джованни. – Я ведь могу тебя за это казнить прямо сейчас.

Инео, который до этого времени сидел, прислонившись к сырой стене, улегся и растянул ноги на матрасе. Надев маску скучающего равнодушия, он промолвил:

– Можешь. Да только проку-то? Ты за меня отдал деньги и будешь идиотом, если убьешь, не окупив их.

У стены напротив двери раздался булькающий звук, когда Ахига попытался сдержать смех и, видимо, подавился слюной.

Джованни растянул губы в довольной ухмылке и присел на корточки перед Инео.

– Ты мне нравишься, парень.

– Я польщен, – так же холодно отозвался Инео. – Надеюсь, симпатия вызвана не моей привлекательной внешностью? – Он стиснул зубы в раздражении, вспомнив, что именно из-за своей красоты был едва не продан в дом удовольствий.

Джованни его слова только повеселили.

– Мало кто из рабов осмеливается дерзить мне. Все в основном лебезят передо мной в страхе. А ты, даже в кандалах и оборванных вонючих обносок, держишься с королевским достоинством. Мне бы очень хотелось узнать твою историю, Инео. Поэтому я искренне надеюсь, что ты переживешь завтрашнюю бойню и вскоре вспомнишь прошлое.

С этими словами Джованни со стражниками покинул темницу.

– Парень, да ты совсем умалишенный! Как ты посмел так грубо говорить со своим хозяином? – В голосе Ахиги сквозило восхищение. – Он ведь мог тебя за это избить до полусмерти.

Инео вопрос соседа проигнорировал. Его не покидало странное чувство, вызванное словами Джованни. Что-то в них заставило его сердце колотиться быстрее. Что-то важное и близкое ему, его сущности. Что-то, чего он никак не мог вспомнить.

В день бойни, на рассвете, за ним пришли четверо солдат. С него впервые сняли ошейник с цепью и сразу же надели на руки кандалы.

– Инео! – позвал его Ахига, у которого сегодня не предвиделось боя. – Постарайся выжить, парень.

Инео благодарно кивнул и, подталкиваемый стражниками, вышел из темницы. Они двигались по узкому темному коридору, по обе стороны от которого находились двери с решетчатыми окошками. Инео насчитал сорок дверей.

Если в одной бойне участвовали четыре десятка воинов, то сколько всего рабов имелось у Джованни? Наверняка это была не единственная казарма на арене.

Когда они добрались до конца коридора, стражники отворили тяжелую дверь, и в первые секунды Инео чуть не ослеп от яркого света и не оглох от гомона сотен голосов.

– Шагай быстрее! – Его толкнули в спину, и он вышел на опаляемую солнцем площадку.

Круглая арена была обнесена высокой оградой, за которой находились трибуны, переполненные зрителями. На нижнем ряду сидели люди в оборванных одеждах.

«Самые опасные места для бедняков», – догадался Инео.

В центральной части трибун возвышалось огороженное ложе с навесом и скамьями, где расположились богато одетые мужчины и женщины. Рядом с ними присутствовали рабы, которые обмахивали хозяев большими опахалами или держали в руках увесистые подносы с напитками и фруктами. На лицах господ читалась неприкрытая скука.

От громких криков у Инео начинало гудеть в ушах, и он болезненно сморщился, оторвав взгляд от трибун. Из соседних дверей начали выводить других рабов, тоже скованных кандалами. Среди них были и юноши вроде Инео, и зрелые мужи.

– Эй! А что среди нас забыла девка? Это приз для победителей? – раздалось сбоку от него, а следом послышался одобрительный хохот.

Инео повернул голову и встретился с сальным взглядом крупного, лысого мужчины.

– Эй, девица, тебя звать-то как? – спросил лысый под очередной взрыв смеха.

Инео лениво изучил его и спокойным тоном ответил:

– Узнаешь, если не умрешь на бойне.

Лицо мужчины перекопилось от злости.

– Так ты не девка? Славно! Значит, тебя я убью первым.

Слова раба никак не задели Инео. Не обращая внимания на смешки и разговоры, он продолжил изучать арену.

По всему периметру стояли стражники. Их было вдвое больше, чем бойцов. Они наверняка находились здесь, чтобы контролировать рабов, если те вдруг решат поднять бунт и напасть на зрителей. В центре арены было свалено в кучу разномастное оружие: клинки, короткие и длинные мечи, кинжалы, топоры, булавы, копья и щиты.

– Дорогие зрители! – раздалось у него за спиной, и Инео обернулся, увидев на огороженном от остальной трибуны возвышении Джованни. – Добро пожаловать на бойню! Делайте ваши ставки! Кто из этих сорока храбрых воинов останется в живых, а кто погибнет первым?

По трибунам прошелся волнительный ропот, и сердце Инео заколотилось быстрее.

Он не хотел умирать. Не так.

Инео вновь осмотрел остальных рабов, которые ожидали своего часа в страхе и волнении. К ним направились стражники и начали по очереди отстегивать кандалы и рисовать краской номера прямо на лбу.

Инео, который стоял в самом конце шеренги, достался номер 40.

Когда над головами раздался удар гонга, и зрители, и рабы мгновенно затихли.

Он сделал глубокий вдох.

– Бойцы, приготовьтесь! Ваша жизнь в ваших руках! – торжественно провозгласил Джованни и снова ударил в гонг.

Большинство рабов сорвались с мест и помчались к куче с оружием. Инео же не спешил. Как он и предполагал, в ту же минуту возле оружия развернулась ожесточенная битва. Зрители моментально оживились и начали громко улюлюкать. Их гомон смешался с лязгом металла и воплями бойцов. Вскоре земля возле «оружейного склада» окропилась кровью.

У ограды помимо Инео оставались еще восемь человек. Некоторые из них замерли в полной рассеянности, а кто-то уже завязал рукопашный бой.

К нему двинулся тот лысый бугай.

– Ну что, девка, готова жрать землю?

Инео нагнулся, подобрал с земли камень размером с орех.

– Только после тебя! – ответил он и запустил в мужчину камень, который угодил ему прямо в глаз. Мужчина с гортанным криком схватился за лицо. Кровь стекала с глаза на подбородок.

Не раздумывая, Инео побежал в сторону оружия и, пока другие рабы сражались друг с другом, выдернул из кучи короткий меч, сжав его левой рукой. На него тут же обратил внимание темнокожий худой боец и ринулся в его сторону. Инео схватил первый попавшийся под руку нож и запустил в раба. Лезвие вошло прямо в горло. Боец со странным булькающим звуком упал на колени, и из его рта струйкой потекла кровь.

Когда он рухнул на землю лицом вниз, с трибун раздались восторженные возгласы.

– Да это же тот парень с площади, что устроил переполох! Инео, сын русалки, – выкрикнул кто-то из зрителей первого ряда.

– Инео! Инео! – подхватили несколько человек, и его имя начали скандировать зрители из числа бедняков, занимавшие первые ряды.

Волнение и страх, что одолевали его до начала боя, вдруг отступили. Сейчас он был сосредоточен и спокоен как никогда. *«Эмоции в бою – непростительная ошибка»*, – услышал он в голове свой собственный голос, но когда это говорил и кому, Инео, конечно же, не помнил.

Солнце нещадно палило с неба, и с висков уже стекали капли пота. Хотя Инео старался не обращать на это внимания, как и на крики толпы, и боль в затылке.

Он крепче сжал рукоять меча и почувствовал приятное тепло в ладони, словно она налилась силой, соприкоснувшись со сталью. К нему подлетел воин с топором, но Инео успел увернуться от атаки и, сделав выпад, пырнул его в бок. Не успевал он отразить атаки одного, как на него нападал другой, снова, и снова, и снова. Земля была усеяна трупами и окрашена в красный, а в воздухе стоял резкий запах пота и крови. В ушах гудело от выкриков толпы и лязга стали, а мышцы болели от непривычного напряжения после долгого пребывания на корабле и в темнице.

Когда он сражался с пятым по счету рабом, к нему подкрались сзади, но Инео успел увернуться от удара сабли.

Теперь он сражался сразу с двумя. Он не мог похвастаться горой мышц, как многие рабы на этой арене, да и после пребывания в плену сильно похудел. Но его главным преимуществом были ловкость и скорость, которыми Инео пользовался сполна. Он с легкостью уклонился от ударов противников и, сделав ложный выпад, ударил одного из них ногой.

Второй мужчина оказался проворнее и сильнее. Он предугадывал действия Инео и отражал его атаки. Инео чувствовал, что силы медленно покидают его. Когда их мечи скрестились в очередной раз, он отчетливо осознал, что силы не равны. Он едва удерживал напор, а его рука уже ныла от напряжения.

Внезапно хватка соперника ослабла, и он с удивленным возгласом опустил голову. Инео проследил за его взглядом, обнаружив, что противника пронзило копье, а на рубашке стремительно расплзлось кровавое пятно.

Инео хотел с облегчением выдохнуть, когда боец упал на землю, но судьба решила сыграть с ним злую шутку.

– Ты заплатишься за мой глаз, девица! – злобно выплюнул лысый мужчина, который убил его соперника, а теперь с ревом устремился к нему.

Не ожидав такого напора, Инео отступил на несколько шагов. Тут он споткнулся о тело убитого бойца и упал, больно ударившись спиной о твердую землю. Из легких вышибло весь воздух.

На него сверху навалилось грузное зловонное тело, и Инео лишь чудом успел перехватить руку с направленным на себя лезвием ножа.

– Я вспорю глотку тебе, девица! – с маниакальной улыбкой прошипел лысый. Его лицо и один глаз были залиты кровью. Он был в разы сильнее Инео, и тому стоило нечеловеческих усилий сдерживать этот натиск.

Острие ножа находилось в жалких сантиметрах от его горла. Руки тряслись, и Инео чувствовал, как с каждой секундой силы покидают его. Казалось, он не сможет пережить эту бойню...

«Вернись ко мне, – женский голос заглушил крики толпы и гул в ушах. – Вернись, ты обещал!»

Инео скользнул взглядом по арене в поисках чего-нибудь, что могло бы помочь ему одолеть врага, и заметил валяющийся рядом короткий кинжал. Видимо, кто-то обронил его в бою.

Инео отважился на отчаянный шаг. Он харкнул в лицо мужчины, и тот брезгливо сморщился, слегка отстранившись и ослабив хватку. Секундной заминки хватило, чтобы Инео сместил направленное на него лезвие правее и ниже и обхватить кинжал свободной рукой.

В следующую секунду его плечо пронзила адская боль от вонзившегося в него ножа. Не дав противнику завершить начатое, Инео одним взмахом провел лезвием по его шее и перерезал горло. На его лицо хлынула кровь, затекая в глаза и рот. Мужчина с хрипом повалился на него и, дернувшись несколько раз, затих насовсем.

Глаза Инео жгло от крови и слез. Боль в плече усиливалась с каждым мгновением, и он понял, что риск был не оправдан. Обессиленный и раненый, он не протянет даже до конца бойни. Может быть, стоит притвориться мертвым, пока другие бойцы заняты друг другом?

Не успела мысль сформироваться в голове, как его оглушил громкий удар гонга.

– Бойня окончена, – провозгласил зычный голос Джованни. – Сложите оружие!

Инео вылез из-под тучного тела и с не меньшим трудом поднялся на ноги. Его тошнило от боли и слабости. Когда он, прилагая титанические усилия, выпрямился и поднял голову, кто-то в толпе зрителей прокричал:

– Смотрите! Сын русалки выжил! Инео!

Его имя снова начали скандировать, отчего трое других выживших бойцов с удивлением оглянулись на него.

– Ты полон загадок, Инео. – Джованни спустился с возвышенности и приблизился к рабам в сопровождении свиты стражников. – Я рад, что ты выжил. Тебе благоволит удача.

Инео тяжело дышал и едва держался на ногах. Нож из плеча он так и не выдернул, чтобы избежать обильного кровотечения. Он надеялся, что Джованни даст ему хотя бы бинты для перевязки раны в темнице.

Люди продолжали выкрикивать его имя, но он не понимал почему. Что он такого сделал, что так полюбился публике? Он не знал ответа на этот вопрос. Но одно знал точно: в последние секунды, когда уже готов был сдаться, он снова услышал голос. Голос, который придал ему сил, помог бороться дальше.

Во что бы то ни стало Инео должен вспомнить, кому он принадлежал, и выполнить то обещание.

После бойни его отвели обратно в темницу. Когда Ахига вытащил кинжал из его плеча, Инео не сдерживался и стонал от боли. Во рту все еще стоял металлический привкус, и он мечтал смыть с себя кровь, грязь и пот, но, по словам соседа, о банных процедурах он мог забыть.

«Грязь, клопы и виш – бич бойцовой арены».

– Победителям бойни дают передохнуть пару недель, так сказать, оклематься от травм. Но твоя рана будет затягиваться не меньше месяца, – подытожил Ахига, накладывая швы.

Стражники принесли сверток с чистой тканью, настойками и иглой, после чего Ахига с ловкостью талантливого лекаря залатал рану Инео и наложил повязки. Если верить его словам, единственное, на что не скупился Джованни, – это целебные снадобья для лечения ран рабов, на которых он возлагал большие надежды.

Значит, Инео входил в их число. Но хорошо это или плохо, он пока не решил.

– Где ты научился лекарскому делу? – поинтересовался Инео, когда Ахига закончил с перевязкой.

– У себя на родине я был лекарем.

Инео удивленно вскинул брови.

– Я думал, ты был военным или занимался тяжелым физическим трудом.

Превозмогая боль, Инео уселся на циновку и принялся за обед, который стражники принесли вместе с лекарскими принадлежностями. Флягу с водой он прислонил к стене, чтобы та медленнее нагревалась от духоты в темнице.

– Физическим трудом я занимался вдоволь. У меня был скот и большая усадьба, за которой нужен был хороший уход, – ответил Ахига, баюкая в руках свою фляжку. – Да и все мужчины острова Вамир обладают хорошей боевой подготовкой, чтобы защищать свои земли от набегов работорговцев. Но восемь месяцев назад на Вамир напало сразу пять пиратских судов. Мы жили на окраине, поэтому я успел увести жену с детьми в лес и спрятать их в одной из землянок, которые жители Вамира соорудили на случай нападений. А сам вернулся помочь соплеменникам. – Ахига задумчиво почесал грязными ногтями покрытый шрамами подбородок. – Нарая, моя жена, умоляла меня остаться с ними, просила не уходить... Но я не мог отсиживаться в укрытии, пока мерзкие твари оскверняют земли моих предков. Я ушел, чтобы сражаться, и даже смог уберечь от похищения дочь соседа, но сам спастись не успел. Теперь я здесь.

Ахига закончил рассказ, а Инео впервые увидел на его лице тень грусти.

– Мне очень жаль, Ахига, – искренне посочувствовал он. Сам Инео ничего не помнил о своей прежней жизни, и возможно, от этого ему было проще смириться с нынешним положением и сохранять холодный, ясный рассудок. – Мы найдем способ выбраться отсюда.

Ахига покачал головой с грустной улыбкой.

– Ты нравишься мне, парень. Но как же ты молод и глуп. Выход здесь только один – смерть.

– Тогда почему ты сохраняешь оптимизм? Почему борешься за жизнь с таким отчаянием? Не потому ли, что в глубине твоей души все еще теплится надежда?

Ахига отложил флягу.

– Я борюсь за жизнь, потому что так велено мне верой предков. Лишь трус и слабак сдается перед лицом смерти. Истинный муж Вамира будет сражаться до последней капли крови. А надежда во мне давно погибла, парень. И тебе советую оставить это опьяняющее разум чувство. – Ахига лег на циновку и повернулся лицом к стене, давая понять, что разговор окончен.

Инео не стал спорить и принялся за гадкую на вкус похлебку. Не успел он опустошить миску и наполовину, как дверь темницы распахнулась, и порог переступил Джованни в сопровождении своих стражников.

Ахига встrepенулcя и cел, растерянно оглядываясь то на Инео, то на Джованни.

– Как ты себя чувствуешь, сын русалки?

Инео отставил миску в сторону и выпрямил спину, мысленно умоляя себя не заплакать от боли в плече и во всем теле.

– Ты посещаешь мою скромную обитель с завидной регулярностью, – с наигранной вежливостью отозвался он. – Говорят, дети моря приносят удачу. Неужто хочешь подружиться со мной?

– Судя по твоим речам, ты не дитя моря, а заносчивый аристократ из дальних земель. – Джованни склонил голову, внимательно изучая его. – Я наблюдал, как ты сражаешься. Твой стиль ведения боя кричит о том, что тебя обучали элитные бойцы в расфуфыренных доспехах. Кто ты?

– Я уже говорил, что не помню, – ровным тоном ответил Инео. К лицу намертво прилипла маска холодного равнодушия, но слова Джованни снова пробудили в его сердце бурю. Правдивы ли домыслы рабовладельца? Был ли Инео аристократом в прошлой жизни? Или же солдатом элитного отряда? Кто он, черт подери, такой?

– Ладно, это не так важно. – Джованни прервал его размышления. – Куда важнее, что ты понравился публике. Они запомнили тебя из-за того переполоха, что ты устроил на рынке рабов.

– Что в этом такого? Неужели до меня никто не противился рабской участи?

– Нет, конечно. Работорговцы поят рабов сильными снадобьями, чтобы они во время аукциона стояли смирно и не отпугивали покупателей. А ты дурману не поддавался, чем очень прогневил Лимаса. – Джованни весело хохотнул, и Инео снова вспомнил, что в тот день из дурманного плена его вызволил женский голос. – Он хотел тебя убить, но жадность взяла верх над гневом.

– Ты пришел, чтобы порадовать меня вестью о зрительской симпатии? – Инео с делано скучающим видом прислонился спиной к стене и прикрыл глаза, будто речи Джованни его порядком утомили. Но на самом деле он с трудом сохранял ровное дыхание и спокойное выражение лица. Его руки мелко дрожали от боли и слабости, и он пытался скрыть это, скрестив их на груди.

– Я пришел узнать, насколько серьезна твоя рана. Ахига, что скажешь? – Джованни повернулся к соседней циновке.

– Рана глубокая, господин Хамьер, – уважительным тоном ответил Ахига. Он не раболепствовал перед хозяином, но наглости и вольности, в отличие от Инео, себе не позволял. – Ему потребуется несколько недель, чтобы снова выйти на арену.

– Вылечи его как можно быстрее, Инео скоро ждет новый бой. Нельзя позволить зрителям забыть сына русалки.

С этими словами Джованни покинул темницу, и Инео со стоном боли и облегчения улегся на циновку.

– Джованни ко всем своим рабам такой внимательный? – иронично спросил он.

– Только к тем, кто может принести выгоду. Думаешь, почему я так редко участвую в боях? Почему нас кормят более-менее сносной едой? Потому что я хорошо лечу раны и благодаря мне Джованни неплохо экономит на услугах врачей.

– Сносной едой ты называешь тухлое мясо? – уточнил Инео.

– Другие рабы даже такого мяса не едят, радуйся, что стал моим соседом. Хотя ты, как видишь, тоже на хорошем счету у хозяина. Вот только для тебя это, скорее всего, не очень хорошо. – Ахига нахмурился. – Раз публика тебя полюбила, значит, и в боях тебе предстоит участвовать часто.

Стараясь не обращать внимания на ужасное самочувствие, Инео начал размышлять над словами соседа. Если он не найдет способ выбраться, его ждет неминуемая гибель.

– Ахига, – прервал он долгое молчание. – Помнишь, ты говорил про Вольную? За что ее могут дать?

Ахига тяжело вздохнул.

– Я же говорил оставить ложные надежды и забыть об этом. – Встретившись с пристальным взглядом Инео, он недовольно закатил глаза, будто смирился с упрямством молодого соседа. – Не все рабовладельцы скотины, как Джованни. Они дают Вольную тем рабам, кто прослужил им верой и правдой долгие годы или сделал для хозяина что-то выдающееся. Причины бывают разные. Но, по словам других рабов и стражников арены, Джованни никому никогда не давал свободы. Его интересует только выгода.

– Видимо, нужно сделать так, чтобы самому Джованни стало выгодно освободить нас, – подытожил Инео.

Он не собирался мириться с судьбой. И если сбежать с этого острова нельзя, он обязан покинуть его свободным человеком.

Глава 13

Ноябрь, 1135 г. со дня Разделения

Со дня похорон прошел почти месяц. Аврора искренне надеялась, что боль утраты постепенно притупится, но зияющая дыра в сердце с каждым днем становилась все шире. Не провалиться в пучину отчаяния и скорби ей помогал Райнер. Ее сын, его кровь. Всю любовь, на которую было способно ее сердце после стольких потерь, она дарила Райнеру. И ради его благополучия старалась быть сильной.

Аврора как за спасительную соломинку хватилась за слова Закарии, которые он сказал перед похоронами. Она должна обзавестись властью и союзниками, стать значимой фигурой в Ардене, чтобы защитить своего ребенка.

Каково было удивление членов Совета, когда она заявила на заседание. В тот день Аврора надела траурное платье, скроенное по арденийской моде, а привычную косу заменила низким пучком с черной ажурной сеткой, расшитой жемчугом. Она с непривычной ей доселе кротостью и вежливостью попросила у советников разрешения присутствовать на заседаниях, чтобы быть в курсе происходящего в Ардене.

Однако эти чопорные мужи были настроены к ней скептически.

– Нечего девчонке делать на мужских собраниях, – холодно процедил лорд Брайан, и другие советники уже готовы были его поддержать, но их заставил замолчать лорд Грей.

– Княжна Аврора – мать будущего Хранителя Ардена, и она должна разбираться в важных политических вопросах. Пусть остается. – Ближайший советник Рэндалла окинул всех присутствующих суровым взглядом, и они были вынуждены согласиться с его решением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.